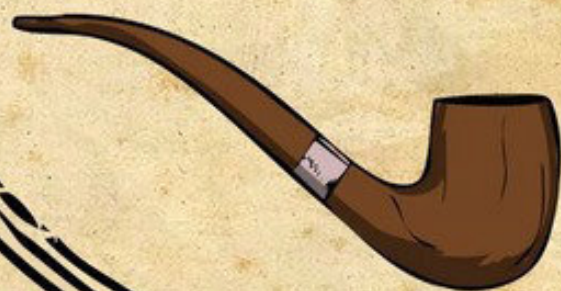

18+

Анна Ефименко

Девятая дорога

Роман об английской магии

18+

Анна Ефименко

**Северная дорога.
Роман об английской магии**

«Издательские решения»

Ефименко А.

Северная дорога. Роман об английской магии / А. Ефименко —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-562547-2

Начало XIX века, Болотный край в Восточной Англии. Двое волшебников работают по проверенным исстари рецептам деревенского колдовства, пока вдруг у одного из них не оказывается книга по незнакомой планетарной магии. Что эта находка принесёт в жизнь английской глубинки? Как новое волшебство воспримет народ, уже забывший охоту на ведьм? И как это все повлияет на взаимоотношения двух чародеев? «Северная дорога» — роман-гримуар, наполненный аутентичными магическими рецептами из британского фольклора.

ISBN 978-5-00-562547-2

© Ефименко А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	18
Глава 3	33
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Северная дорога

Роман об английской магии

Анна Ефименко

*God is in the houses
And God is in my head
And all the cemeteries of London*

*I see God come in my garden,
But I don't know what he said
For my heart it wasn't open
Not open*

© Coldplay

© Анна Ефименко, 2022

ISBN 978-5-0056-2547-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Жабьи люди

*Ни одна дверь не будет закрыта перед жабым человеком.
(поговорка из Кембриджшира)*

В феврале наивно было думать о весне или хотя бы на нее надеяться. Представьте себе, дорогие читатели, крошечную деревню М... в Болотном крае. Эта область в Восточной Англии зимой продувалась ледяными вихрями, холмы и возвышенности тут были редким явлением, а потому холодный ветер ощущался еще злее. Снег здесь шел, не переставая, уже третий день, время от времени слегка оплавляясь под чахлым солнечным светом, и дороги покрылись ледяной коркой так, что ни в карете, ни верхом, ни на своих двоих вам бы в это время путешествовать не понравилось.

Сказать по правде, в такую погоду даже те, кто оказались в пути вынужденно, старались хоть как-то обезопасить себя и лошадей, и подыскать местечко для ночлега. Почти все придорожные гостиницы были полностью заняты такими вот беднягами, коих застала врасплох непогода.

Деревня М..., расположенная среди болот Кембриджшира, не стала исключением – сегодня тут на единственном постоялом дворе свободных комнат не было. И вряд ли положение могло измениться в ближайшие дни – снегопад, судя по всему, не собирался прекращаться. Люди на постоялом дворе спали по двое, а то и по трое в одной кровати, наполняя тесные комнатухи запахами лежалого белья и пивного дыхания.

Алан Сорсби прибыл в М... поздним вечером, продрогнув до костей, сняв свой багаж с кареты и заплатив извозчику больше, чем планировал (хотя с его скудным бюджетом планировать какие угодно траты уже было риском). Он добирался сюда долго: трясся в набитых пассажирами дилижансах (пару раз пришлось ехать даже снаружи, благо было еще не так холодно), ютился в почтовых каретах с их ярко-красными колесами и со сложенными на крыше мешками писем, устраивался за небольшую плату в повозки сельских жителей. Наконец, последняя карета все-таки доставила его в пункт назначения и, пока конюхи меняли лошадей, чтобы кучер мог отправиться дальше, один из пассажиров зашел на постоялый двор, отряхиваясь от снега и сжимая в обветренных руках выдавший виды саквояж.

Сорсби терпеть не мог конец зимы, в частности, февраль. В Корнуолле, откуда он был родом (и который был ОЧЕНЬ далеко от М...) считалось, что в первых числах февраля ведьмы и знахари обновляют свои колдовские силы. А их прежние посетители с приходом весны просили «переделать» амулеты, вдохнув в них новую мощь, ведь после февраля волшебник всегда перерождался и становился сильнее. Однако сам Алан Сорсби, хоть он и был волшебником, не чувствовал сейчас ни перерождения, ни обновления. Он ужасно устал в дороге, денег, как всегда, было в обрез, однако даже это положение вещей не могло вызвать в нем готовности ночевать под открытым небом.

– У нас нет свободных мест, сэр! – хозяин гостиницы горестно развел руками. – Мы бы с радостью вас разместили, да некуда. Другие постояльцы и так набиваются сразу по трое на одну кровать. Никто не может выехать на дорогу, пока там такая метель.

Сорсби поставил дорожный саквояж на пол и попытался снова объяснить:

– Но, сэр, я не задержусь у вас долго. Мне нужна лишь одна ночь. Уже завтра утром я отправлюсь в деревню, где меня ждут. У меня есть приглашение от местной... – он замолк, не решаясь продолжать дальше говорить на сомнительную тему. – Я лишь прошу вас о самой

малости: дайте мне переночевать в тепле под вашей крышей, сэра. Я ехал из Лондона и очень утомился.

Хозяин гостиницы с сочувствием оглядел приезжего – Сорсби был опрятно одетым (в одежду, которая десятилетие назад стоила бы больших денег) мужчиной средних лет, скромного (очень скромного) телосложения. Плащ на госте годился на весну или осень, но никак не подходил для зимней стужи. Сюртук и жилет местами вытерлись и истрепались, на манжетах то и дело виднелись аккуратные стежки, свидетельствовавшие о многократной починке вещей. Лицо Сорсби было приятным и улыбочивым, а вот на голове не было шляпы и во все стороны торчали непослушные пышные каштановые волосы, будто бы он только что участвовал в драке.

Если бы кто-нибудь здесь и знал, что когда-то мистер Сорсби родился в зажиточной семье и жил во внушительном особняке с эркерами и балконами, украшенными декоративными перилами, что он гулял в собственном прекрасном саду и имел целый штат прислуги в своем распоряжении, то никто попросту не поверил бы в это: ныне ничего в потрепанном облике мужчины не выдавало подобного прошлого. Наверняка теперь даже те самые слуги из его прошлого были одеты лучше, чем он сам.

«Тош как щепка, беден как церковная мышь, но все равно джентльмен» – таким обычно было у людей первое впечатление о Сорсби. И хозяин постоялого двора полностью это впечатление разделял.

Как ему хотелось сжалиться над человеком, проделавшим такой путь! Сюда, из самого Лондона, под снегопадом... Но, увы, одно желание владельца постоялого двора ничего не меняло: за все комнаты было уже заплачено наперед, и предложить уставшему и замерзшему путешественнику тут было нечего. Хотя...

– Мне жаль, что для вас не найдется кровати, сэра, – немного подумав, сказал хозяин гостиницы. – Но выставить за дверь человека в такой холод я не могу. Если вас устроит, вы можете оставить свои вещи здесь и провести эту ночь у камина в холле. Конечно же, там негде спать, но вы можете устроиться в большом кресле или же на лавке. Не бог весть что, сэра, но всяко лучше, чем оказаться на улице.

Измученное и осунувшееся лицо Сорсби мигом посветлело, а кареглазый взгляд озарился радостью:

– Спасибо, сэра! Ваша доброта велика. Мне не нужно много – лишь тепло, поэтому я с удовольствием пережду эту ночь у камина, только бы вновь не оказаться под снегопадом!

Они договорились о символической стоимости такого «ограниченного» постояя, затем Сорсби поинтересовался, успеет ли он поужинать.

Хозяин проводил его в просторную комнату, жаркую и битком набитую людьми.казалось, что постояльцы были готовы ютиться где угодно и как угодно, только бы не покидать натопленное помещение.

С горем пополам примостившись на лавке (где уже помимо него устроились пятеро человек, прижимаясь друг к другу боками, пихаясь локтями и коленями), Сорсби дождался своей кружки пива и куска пирога с бараниной. После нескольких дней, проведенных в дороге, эта простая пища показалась ему вкуснейшим угощением в мире.

За столом тем временем шла битва за каждый клочок свободного места.

– А ну подвинься... сдвинься! – заорал какой-то мужчина с багровым лицом, случайно опрокинувший свое пиво на пол.

Его сосед, в такой же мере нетрезвый и громкий, поспешил успокоить краснолицего:

– Эй, да тут всем места хватит. Вот этот мальчик... как вас, мистер...?

– Сорсби, – отозвался приезжий, откусывая пирог.

Краснолицый обернулся к собутыльнику:

– Слышал? Мистер Сорсби настолько любезен, что занимает едва ли больше места за столом, чем пятилетний ребенок! Если бы ты не разожрался так в своей мясной лавке, глядишь, всем было бы проще тут устроиться...

Но сосед его не слушал: разговор с новым постояльцем был всегда интереснее, чем привычные пьяные разборки.

– Мистер Сорсби, а вы в этих богом забытых краях зачем оказались? Деловые вопросы или сердечные?

– Я ищу... – начал было тот, как вдруг замолк. Смелость вмиг покинула его. Он знал, что последует, скажи он правду о цели своего приезда, но он также хорошо знал себя. Сорсби был не из тех людей, кто стесняется выкладывать все как есть. Поэтому, когда мужчина за столом спросил вновь, еще громче:

– Ищете тут кого?

...Алан Сорсби смог ответить только правду:

– Я ищу *хитрых людей*.

В зале моментально повисло жуткое молчание.

Перестали звякать ложки, вилки, тарелки и оловянные чашки. Затих топот ног под столом, смолкли все голоса.

Говорить открыто о колдунах – о тех самых *хитрых людях*, как иначе называли в Англии колдунов – было столь же рискованно, сколь и оказаться самому под подозрением в колдовстве. Конечно, костры уже не полыхали, и охота на ведьм не лютовала, как в былые столетия, но память поколений была по-прежнему сильна. Люди испокон веков жили бок о бок с волшебниками и не брезговали обращаться к ним за услугами, и побаивались их нерасположения, но вот ГОВОРИТЬ О ТАКОМ ВСЛУХ было нельзя.

Мистер Сорсби, тот самый, кто «занимал места за столом не больше, чем пятилетний ребенок», внезапно оказался в самом центре внимания. Со всех сторон на него глазели десятки людей.

Нельзя было сказать, что он был к такому непривычен – скорее, наоборот. И он знал, он совершенно точно знал, что последует за этим:

Изгнание.

Но, давным-давно привыкший и к такому, он имел хотя бы преимущество в быстроте реакции – благо пирог свой он уже успел доесть, и пиво тоже было выпито.

Потому, наскоро пожелав спокойной ночи собравшимся, Сорсби поднялся из-за стола и, подхватив саквояж, направился к коридору. Казалось, он мог даже физически ощутить на своей спине подозрительные взгляды постояльцев. Он вошел в соседний зал, служивший на постоялом дворе чем-то вроде общей гостиной – именно здесь хозяин гостиницы пообещал предоставить Сорсби мягкое кресло, чтобы скоротать ночь у камина. Места в холле было куда меньше, чем в столовой, и помещение почти полностью тонуло во мраке, однако здесь тоже был жаркий камин и несколько тех самых обещанных кресел рядом – мягких и больших.

Перетащив одно из них как можно ближе к камину и развернув к самому огню, Алан Сорсби сел туда, наслаждаясь внезапным уединением, и вытянул руки, обогревая их у очага. Подумать только, он уже успел поесть и как следует перепугать постояльцев гостиницы, но так и не успел согреться!

– ...Вообще-то я планировал побыть здесь в одиночестве, – неожиданно раздался низкий голос откуда-то из угла комнаты.

Сорсби вздрогнул. Обернувшись, он уставился в темноту – глаза, ярко ослепленные каминным пламенем, не смогли поначалу ничего разглядеть. Он нерешительно произнес, глядя во мрак:

– Простите, сэра, я не знал, что тут кто-то есть.

– Вам незачем извиняться, – заверил голос. – Все равно мне это кресло больше ни к чему.

Сказав это, незнакомец вышел из темноты – хотя в данном случае он, скорее, мог бы эту самую темноту за собой потянуть. Это был высокий, сухощавый, слегка сутулый человек лет сорока или около того, в длинном черном пальто, которое называлось в народе «пальто кучера» – оно было теплым, тяжелым, с ниспадающей с плеч пелериной, защищавшей человека от любой непогоды. Незаменимое для тех, кто много времени проводит на улице или же в дороге. Волосы у незнакомца были тоже черными как смоль и давно не стриженными, они падали вперед прямыми чернильными прядями, закрывая половину бледного лица с выдающимся горбатым носом.

Подойдя к камину, мрачный незнакомец протянул руку:

– Меня зовут Винтерсмит.

– Я Сорсби, – ответил приезжий рукопожатием. – Алан Сорсби.

Незнакомец недовольно поджал губы, словно его принуждали сказать больше, чем ему того хотелось, но в итоге назвал свое имя:

– Джек Винтерсмит. Значит, вы все-таки прибыли в М... Ищете хитрых людей, чтобы с ними работать, мистер Сорсби?

Проклятье, подумал Сорсби, неужели его реплику за столом было слышно даже здесь? Что, если хозяин тоже услышал и сейчас передумает оставить его на ночь...

– Не беспокойтесь, вы не так громко это сказали, – словно читая чужие мысли, поспешил успокоить его человек в черном. – Скорее, о вашей деятельности говорят ваши вещи.

И незнакомец кивнул на старый саквояж, теперь сиротливо стоявший на полу. Тот, как выяснилось, уже некоторое время был распахнут (потому что, как и одежда Сорсби, в хорошем состоянии саквояж был лет десять-пятнадцать назад, а потом он лишь разваливался и обтрепывался), и любопытному взгляду открывалось почти все содержимое: склянки с порошками, старые железные ключи, гвозди и продырявленные камни, связанные красным шерстяным шнуром...

У Сорсби голова пошла кругом. Подумать только! Какой же он глупец! Вдруг кто-то увидел бы, что еще лежало на самом дне саквояжа... Но и того, что виднелось сверху, было достаточно. Он закрыл лицо руками:

– Боже, какой стыд. Я и не заметил, как мой багаж оказался на всеобщем обозрении. Должно быть, это выглядит как инвентарь ярмарочного фокусника. Возможно... – Алан Сорсби грустно улыбнулся, – так оно бы и было к лучшему. Но, что есть, то есть, мистер Винтерсмит. Я действительно приехал сюда, чтобы найти хитрого человека, которому я мог бы помогать в магии. Хитрого человека или «жабьего человека», как тут говорят, если не ошибаюсь...

И, вдруг набравшись смелости, Сорсби даже решился прошептать вслух слова, которые было принято скрывать уже не раз за вечер упомянутыми эвфемизмами:

– В общем, я бы очень хотел устроиться помогать местному колдуну или ведьме! И мне пришло приглашение от Старой Матушки Хоббс стать ее помощником. Поэтому я поспешил сюда напрямиком из Лондона, сэра.

– Но у вас не лондонский выговор, – с любопытством заметил Винтерсмит, все это время внимательно слушавший волшебника и придирчиво разглядывающий ледяными серыми глазами и его раскрытый саквояж, и его самого.

– Верно, – согласился Сорсби и вдруг, сам того не осознавая, широко заулыбался. – Я уроженец Корнуолла. Это, сами знаете, почти другая страна. Пензанс, мой родной город, считается крайней южной точкой, мимо которой пронесется по небу Дикая охота, прежде чем унести над морем в потусторонний мир... Но не буду утомлять вас своей ностальгией, сэра. А вы живете в Болотном крае?

– Можно сказать и так. Но сам я с севера.

Ну конечно, подумал Сорсби, откуда еще быть такому мрачному человеку, если не с севера. И моментально выпалил:

– По вам похоже.

Винтерсмит напрягся:

– Что, простите?

– Ну, полно вам, сэр... – рассмеялся Сорсби. – Если меня выдал раскрытый чемодан, то на вас и одного взгляда достаточно бросить, чтобы понять, что вы волшебник, да причем откуда-нибудь из Йоркшира, или где еще у нас в Англии самая зловещая магия? Вы же смотрите, прям как извозчик, ищущий работу – только тот скручивает кнут вокруг шляпы, чтобы все видели, что он умеет, а вы... вы... – Сорсби указал на всю фигуру человека в черном: – Вы просто вот такой.

Винтерсмит выслушал все это в каком-то глубоком оцепенении и после небольшой заминки спросил:

– Значит как извозчик, ищущий работу? Любопытно. Это подразумевалось как похвала или оскорбление?

– Ни то, ни другое, – беззлобно объяснил волшебник. – Я просто говорю, что думаю.

Да уж, озадаченно подумал Винтерсмит, это было что-то новенькое. И сказал:

– Но так никто не делает, сэр.

– Я делаю, – ответил Сорсби. – Мы с сестрой такими уродились. А уж как эта наша склонность высказывать свое мнение досаждала родителям... Поверьте, моя прямолинейность уже доставила мне в жизни много неприятностей. Из-за нее я покинул Корнуолл, а потом и Лондон. И вот я здесь.

Человек в черном пальто, казалось, нисколько не удивился. Скорее, в его взгляде читалось легкое разочарование:

– И вы возлагаете на эту деревню столь высокие надежды, мистер Сорсби? Думаете, она заинтересует опытного волшебника, который повидал мир, как вы?

– Мир – это Пензанс и Лондон? – с усмешкой уточнил Сорсби. – Сказать по правде, мне особо выбирать не из чего. Я, как уже сказал, с юга – наверняка вы слышали, сэр, в Корнуолле всюду все колдуют. Казалось, сама удача определила меня родиться в таком месте. Но, увы, ни один наставник не смог меня терпеть более года.

– А ваша семья?

Сорсби тяжело вздохнул.

– Мой отец – главный законник в Пензансе. Респектабельный джентльмен, уважаемый семьянин...

– Ох, – только и мог вымолвить Винтерсмит. Откинувшись на спинку своего кресла, он достал из кармана трубку, табак, огниво, и, разложив все это на коленях, чтобы вскоре закурить, спросил: – Полагаю, отец не обрадовался вашим... склонностям к метафизике?

Сорсби кивнул:

– Вы совершенно правы. Но я настаивал на своем, хотел исполнить свое предназначение... Я даже сбежал из родительского дома к цыганам, можете поверить?

– И что было дальше?

– Цыгане тоже меня выгнали.

– Вот как? – удивился Винтерсмит и как можно более осторожно поинтересовался: – А что пошло не так, сэр? Вы плохо умеете колдовать?

Взгляд Сорсби слегка ожесточился, когда он ответил:

– Хорошо умею. Наверное, даже *слишком хорошо*.

– Тогда в чем проблема? – не понял Винтерсмит, выдыхая табачный дым.

– Я не буду вам докучать своими бедами, мистер Винтерсмит, – немного подумав, Сорсби решил, что будет веселее вернуться к своей затейливой биографии: – Так вот, потом я

на некоторое время перебрался в столицу. Но и в Лондоне не особо преуспел. Миссис Уэндс, хозяйка дома, где я снимал комнату, поделилась, что ее дальняя родня живет в Болотном крае, и закадычная приятельница ее двоюродной бабки – самая настоящая ведьма... хитрая женщина. Я попросил миссис Уэндс – а она действительно оказалось дамой с очень добрым сердцем! – написать в Кембриджшир и спросить знакомых этой пожилой женщины по поводу меня. Потому я скопил кое-чего за свои услуги в Лондоне, и вот я здесь. Правда, скорее всего, после долгой дороги сегодня мне предстоит спать прямо тут на полу или в лучшем случае в этом кресле – хозяин гостиницы сказал, что свободных мест на постой у них нет. Всему виной проклятый снегопад.

Винтерсмит посмотрел на него долгим тяжелым взглядом – настолько долгим, что в итоге приезшему волшебнику было невозможно не моргнуть и не отвести глаза, и вынес вердикт:

– Это никуда не годится. Знаете, как тут говорят? Ни одна дверь не будет закрыта перед жабым человеком. Они найдут для вас комнату, мистер Сорсби.

Ах, если бы так! Сорсби вновь печально улыбнулся:

– Увы, сэр, вы сами наверняка слышали отсюда, как громко жаловался хозяин на то, что мест нет и не будет всю ближайшую неделю...

Но Винтерсмит не желал слушать решительно ничьих объяснений:

– Нельзя отказывать жабьему человеку, сэр. Так здесь говорят. Я бы на вашем месте не забывал о своем положении.

Сорсби вздохнул. Вновь поговорки, вновь эвфемизмы. Хитрые люди, жабы люди... почему бы просто не называть вещи своими именами? Он читал, что даже «наслать проклятье» тут выражалось вслух иными словами: *положить жабу на кого-то*. От этих шифров и секретных обозначений голова шла кругом.

– Я не очень силен в условностях, мистер Винтерсмит. Может быть, я и вовсе не *жабий человек*. Я просто волшебник, а в этой гостинице нет свободных комнат из-за снегопада, вот и все дела. Обычное стечение обстоятельств.

Винтерсмит, который к тому времени насыпал в трубку еще табака и теперь опять с наслаждением выдыхал колечки дыма, с заговорщицким видом прищурился:

– Хозяин гостиницы еще не знает, что скоро одну из комнат покинет постоялец.

А вот это заинтересовало Сорсби куда больше:

– Правда?! Откуда вы знаете? Что ж, тогда это решит много вопросов! Почему, сэр, вы думаете, что отсюда вот-вот уедет один из постояльцев? На улице снег метет...

Человек в черном вновь выдохнул струйку табачного дыма и раздраженно закатил глаза – до некоторых все действительно долго доходило.

– Я ведь уже говорил: ни одна дверь не должна быть закрыта перед жабым человеком. Вы разве не начинали с этого свое *самовосприятие* как волшебника?

– Свое – что? – поперхнулся Сорсби.

С таким термином он еще не был знаком. Но Винтерсмит не потрудился дать объяснение, и вместо этого вернулся к прежней теме беседы:

– Если вы задумали стать хитрым человеком здесь, в болотах, мистер Сорсби, мой вам добрый совет – тренируйте свою наблюдательность. Мне известно о том, что место для ночлега освободится, лишь потому, что этот неожиданно уезжающий постоялец – я сам.

– Вот как? – удивленно протянул Сорсби. – Но ведь там ночь, и к тому же жутко холодно...

– Я предпочитаю ездить в темноте. И в холоде.

– Почему?

– Как вы любезно заметили ранее, потому что «такое на меня похоже», – Винтерсмит скривился в некое подобии улыбки. – Как извозчик с кнутом на шляпе. Разве не исчерпывающее объяснение? Что ж, пойдете, сэр. Мне нужно только собрать вещи.

С этими словами он встал, убрал уже вычищенную к тому времени трубку обратно в карман пальто и широким шагом направился к выходу. Сорсби, едва успев подхватить свой саквояж обеими руками, поспешил вслед за ним.

Они преодолели два лестничных пролета со скрипучими и рассохшимися деревянными ступеньками (Винтерсмит перешагивал через две ступени сразу, Сорсби спотыкался на каждом шагу) и очутились в узком коридоре прямо под крышей.

Достав ключ, Винтерсмит открыл дверь в небольшую комнату и жестом пригласил гостя внутрь:

– Устраивайтесь, сэр. Мне не понадобится много времени, чтобы собраться.

Пройдя в комнату, Сорсби огляделся по сторонам. Ничего особенного: обычная каморка с узкой кроватью, кувшином и тазом для умывания на крошечном столике, покрытом облупившейся краской.

Однако волшебника занимало кое-что другое:

– Сэр... но где другие постояльцы? Хозяин сказал, сейчас всем приходится делить кровать по двое, а то и по трое.

Винтерсмита передернуло:

– Сожалею, но подобное гостеприимство не для меня. Не хочу показаться недружелюбным, но с моим образом жизни и характером соседи были бы менее всего мне желанны. Поэтому я предпочитаю, насколько это возможно, пребывать в уединении, даже если за это приходится платить в два, а то и в три раза больше.

Казалось, каждый и без того непослушный волосок на голове Алана Сорсби еще больше вздыбился от такого заявления. Он ахнул:

– Вы заплатили за троих, чтобы иметь собственную комнату для себя одного?!

– Именно, – кивнул Винтерсмит, складывая в черную дорожную сумку вещи – бритву, записную книжку, чернильницу. – Я рад, что вы все поняли, мистер Сорсби. А теперь я уступаю эту самую отдельную комнату в ваше единоличное пользование. Надеюсь, вы сможете тут восстановить силы после дороги.

Ну теперь все ясно, уныло подумал Сорсби. Недаром он тут очутился – этот черноволосый северянин наверняка сразу же понял, как повернуть выгодную сделку и сейчас потребует за постой сумму, которую и за месяц не заработать. Волшебник развел руками:

– Простите, мистер Винтерсмит, но я вряд ли смогу с вами рассчитаться. Если вас ввело в заблуждение мое происхождение, то мне жаль. Как я уже сказал, родные уже много лет не желают меня знать. Я беден – и говоря по правде, беден до неприличия.

Винтерсмит вопросительно поднял бровь:

– Разве кто-то говорил о деньгах? Бросьте, сэр, я уверен, у вас уж точно есть богатства, которые никому и не снились.

Он выразительно посмотрел на саквояж Сорсби, а затем уставился на волшебника уже знакомым немигающим взглядом серых глаз.

– Но... Откуда вы знаете? – недоуменно пробормотал Сорсби, еще крепче сжимая в руках свои пожитки.

– Вы действительно считаете, что меж хитрых людей слухи не распространяются так же быстро, как и среди простых смертных? О, хватит вам скрывать это, сэр. Уж мне-то можно показать. Мы с вами одного поля ягоды, и я всегда считал себя... достойным ценителем старины, если мне будет позволено так выразиться.

Сбитый с толку, Сорсби без раздумий и уточнений принял факт, что его новый знакомый только что прямым текстом признался в том, что сам тоже занят колдовским ремеслом. Теперь Сорсби волновало лишь то, откуда посторонним было известно о сокровище в его саквояже.

Стиснув пальцы вокруг кожаных боков багажа, он, не желая сдаваться быстро, прошептал:

– А если нет? Если я считаю, что вам нельзя это показывать?

Покрепче завязывая шейный платок перед мутным зеркалом на стене, Винтерсмит лениво отозвался:

– Вам ведь известна вторая часть поговорки, мистер Сорсби. Никто не может отказать жабьему человеку.

– Я не слышал такую версию.

– Потому что я сам ее придумал, – пожал плечами Винтерсмит. – Ну, давайте же, выкладывайте, что вы сюда привезли. Я ведь вижу, вам уже понравилась эта комната, и желание отдохнуть после долгих часов в пути становится все сильнее...

Сорсби вздохнул и полез в саквояж. На самом дне, за всеми погремушками из склянок и ключей, там, где хранились кошелек (куда более легкий, чем хотелось бы) и немного сменной одежды (куда более истертой и изношенной, чем хотелось бы), лежали бережно обернутые в кусок шелка небольшая книжечка и картонка с наклеенным женским профилем, вырезанным на черной бумаге.

Сорсби нехотя вытащил их из саквояжа. Не увидев под картонкой книгу, Винтерсмит недоуменно уставился на женский силуэт.

– Это Кэтрин, моя сестра, – тут же объяснил Сорсби и поспешно убрал вырезанный силуэт обратно в шелк, после чего, наконец, протянул Винтерсмиту то, что тому было нужно – редкую книгу. Великую книгу.

На поблекшей обложке стояла следующая надпись:

«ТАЙНЫ ВЕЛИКОЙ МАГИИ СЕМИ ПЛАНЕТ, ОТКРЫТЫЕ ЗОДЧИМ АНСЕЛЬМОМ И ЗАПИСАННЫЕ АББАТОМ ЭДВАРДОМ В МОНАСТЫРЕ В ГРАБЕНЕ В ГОД ОДНА ТЫСЯЧА СТО ДЕВЯНОСТО ПЯТЫЙ ОТ РОЖДЕСТВА ГОСПОДА НАШЕГО ИИСУСА ХРИСТА»

Когда-то буквы на обложке были раскрашены серебром, но сейчас остались по большей части лишь пустые оттиски.

Винтерсмит ошеломленно посмотрел на книгу:

– О... значит, слухи подтвердились. Не каждый день увидишь такое, – он протянул руку. – Вы позволите мне, сэр, если это не будет дерзостью с моей стороны?

Перемена в поведении Винтерсмита удивила не меньше, чем появление редчайшей книги по колдовству на постоялом дворе в М... Словно драгоценный текст сам по себе внушал трепет даже самым самоуверенным и циничным хитрым людям – но, с другой стороны, разве не так оно и должно было быть?

И Сорсби сдался. В конце концов, если нечасто можно было увидеть раритетную книгу по магии, то представьте себе, насколько нечасто можно было встретить ценителя таких книг, с которым можно было бы обсудить столь драгоценные издания? Волшебник улыбнулся и протянул книгу Винтерсмиту, который аккуратно взял ее и стал бегло изучать содержимое, переверачивая тонкие страницы с таким трепетом, словно боялся их осквернить или запятнать своим прикосновением.

– Ну и ну... – вполголоса говорил он, склонившись над книгой так близко, что отросшие черные волосы едва не касались бумаги. – Ведь это издание невозможно найти в наше время, его нельзя было достать в прошлом, и оно будет под запретом в будущ... всегда.

– Что? – не понял Сорсби.

Винтерсмит моргнул, словно отряхиваясь от морока:

– Я хотел сказать, сэр, что вы владеете исключительным экземпляром. Где вам удалось его найти?

– Не поверите – у старьевщика в Лондоне. Но он отдал мне книгу в обмен на золотые часы и...

– И? – с нажимом спросил Винтерсмит.

– И столько фунтов в придачу, что я до сих пор не могу перестать себя за это ругать.

– Но ведь знания, содержащиеся тут, бесценны, мистер Сорсби. Это очень могущественная магия семи планет. Вам когда-нибудь доводилось использовать ее на практике?

– Пока нет, сэр, – признался Сорсби. – Я не хотел никому доставлять неудобств в Лондоне, поэтому решил перебраться куда-нибудь подальше, чтобы начать эту практику.

– Какого рода неудобств?

Сорсби рассмеялся:

– Если вас снабжают слухами и сплетнями про хитрых людей, сэр, то вскоре вы услышите, какие именно неудобства доставляет моя магия.

На это Винтерсмит саркастично заметил:

– Полагаю, после такого заявления я должен быть заинтригован?

– Нет. Но вы должны быть предупреждены.

Второй раз за вечер реплика приезжего сбивала Винтерсмита с толку. В Алане Сорсби было что-то даже не столько наглое, сколько незамысловатое, открытое, обезоруживающе правдивое. Именно это и вводило в ступор, выбивало почву из-под ног. Винтерсмит наконец-то понял, почему его прибывшему из самого далекого графства коллеге по магии так не везло с кругом общения – люди просто-напросто не могли вынести всегда слушать одну лишь неприкрытую истину.

Сорсби тем временем принялся потихоньку обустроиваться в теперь уже своих покоях. Он снял дорожный плащ и повесил его на крюк, отряхнул башмаки от грязи и вдруг заявил:

– О, совсем забыл. Тут та же беда, что и везде: надо бы переставить кровать ближе к теплой стене.

Винтерсмит непонимающе взглянул на него:

– Что, сэр?

Но Сорсби лишь все так же добродушно объяснил:

– Видите ли, мне гораздо лучше спится, когда тепло очага или, на худой конец, стены, за которой идет дымоход и которая из-за этого дает тепло комнате, согревает ноги, поэтому всегда прошу, чтобы кровать стояла не в углу, а в середине комнаты, ближе к камину. Ну или у теплой стены.

Шумно втянув воздух носом, Винтерсмит почти был готов обидеться:

– Я вижу, вы уже придираетесь к обстановке? Мистер Сорсби, полчаса назад вы собирались спать на полу в общем зале внизу.

– Но у камина! – резонно возразил Сорсби, подняв вверх указательный палец. – Я не хотел очутиться на улице в снегопад – тут вы правы. Но, раз уж счастливый случай обеспечил мне ночлег – вы не будете так любезны помочь мне переставить кровать ближе к вот этой стене?

Винтерсмит, уже порядком пресытившемуся беседой с новоприбывшим колдуном, не оставалось ничего, кроме как выполнить просьбу. Кровать, бывшая по сути лишь соломенным матрасом, накинутым поверх шаткого деревянного каркаса, теперь была торжественно и нелепо установлена почти в центре комнаты.

Закончив перестановку, Винтерсмит сделал напоследок еще одну вещь – достал из-под мягкой подушки небольшой черный полированный камень – не то гагат, не то оникс. Скорее всего, это был гагат, так как на камне был вырезан рисунок – схематичное, почти примитивное изображение домика. Не желая привлечь к камню больше внимания, чем следовало, Винтерсмит тут же спрятал его в глубокий карман пальто – туда же, где он держал свою трубку и курительные принадлежности.

Это действие оказалось быстрым и незаметным, но Сорсби, разумеется, тут же возжелал поговорить именно о камне:

– Ваш волшебный амулет?

Винтерсмит тяжело вздохнул. От людской назойливости он очень быстро начинал чувствовать тошноту:

– Будь это моим амулетом, стал бы я его держать в гостиничной спальне и показывать кому ни попадя?

Но Сорсби не так просто было провести:

– Это ваш волшебный амулет. И это снова по вам видно. И очень грубо, сэр, говорить «кому ни попадя». Мы ведь оба одним промыслом заняты. Я все-таки рассказал вам о себе, о том, откуда я, из какой семьи. Показал вам книгу. Вы же ни слова о себе не сказали.

Но на это Винтерсмит лишь отмахнулся:

– О, мистер Сорсби, прошу вас, не думайте обо мне много. Я просто никто, посторонний человек, который делает, что должен, там, где это понадобится. И только. А теперь, сэр, нам нужно поспешить вниз предупредить хозяина о смене постояльцев. И мне нужно седлать Уголька, пока погода окончательно не испортилась.

Боже, какая гора вранья, подумал про себя Сорсби. «*Просто никто*»! Для мистера Никто этот Винтерсмит был слишком хорошо одет. Он также мог оплатить себе отдельную комнату – неслыханное расточительство. К тому же, как только что выяснилось, у Винтерсмита была собственная лошадь – роскошь, которую Сорсби не мог себе позволить. При этом почти все в Винтерсмите выдавало человека происхождения куда более низкого, чем Сорсби (если от его происхождения вообще оставался хоть какой-то толк).

И в итоге, размышляя обо всех этих вещах, Алан Сорсби не нашел ничего лучше, чем предположить:

– Как скажете... Но все-таки я считаю, что вы подозрительно богаты, сэр.

– Вот как? – безучастно ответил черноволосый волшебник. – Если вы так думаете, значит, вы ошибаетесь. А теперь сделайте одолжение, передайте мое пальто – оно на соседнем крюке от вашего плаща.

Тяжелое пальто, которое было на Винтерсмите внизу и которое он снял, собирая вещи, сейчас висело близ дверного проема. Сорсби снял его, но, прежде чем отдать хозяину, развернул внутренней стороной к себе. На подкладку пальто, под воротник, был пришит ярлычок с надписью «*мистер Кормак*».

Конечно, Сорсби знал по опыту, что хитрым людям не всегда платили деньгами. Часто бедняки отдавали в обмен за магические услуги еду или одежду.

Но пальто, хоть и старое, опять же выглядело далеко не дешевой вещью. Мог ли обеспеченный господин, обратившись к колдуну, расплатиться одеждой? Конечно же, нет! Или Винтерсмит был всего лишь вор и шарлатан?..

От этого бесконечного множества мыслей его отвлек голос:

– Вас интересует моя одежда, сэр?

Сорсби пожал плечами, передавая пальто:

– Не особо. Просто я думал, что вас зовут мистер Винтерсмит, а не мистер Кормак.

Воистину этот корнуоллец за словом в карман не лез! Доброжелательность Винтерсмита почти иссякла, и он холодно объяснил:

– Это пальто Бэзила. Он отдал его мне. Я надеюсь, вы не станете выпытывать у меня хотя бы кто такой Бэзил? Поверьте, мое терпение уже на исходе, а ведь я был с вами крайне добр.

Сорсби виновато потупился:

– Нет. Конечно же, нет. Простите, сэр, я несдержанный.

– В самом деле.

Накинув на себя верхнюю одежду и надев высокую шляпу, Винтерсмит взял дорожную сумку и вышел из комнаты. Там он отдал ключ Сорсби, велел тому закрыть дверь. Пока Сорсби возился с замком, Винтерсмит уже успел спуститься вниз и теперь разговаривал с заспанным конюхом, крайне недовольным, что кто-то задумал седлать коней на ночь глядя.

Хозяин гостиницы стоял неподалеку, что-то бормоча про то, как хорошо брать плату заблаговременно, раз уж некоторые готовы отдать свою комнату первому же заезжему незнакомцу. Винтерсмит ничего на это не ответил, а лишь подошел к хозяйскому столу, где лежала книга учета гостей, и, будто имея на это полное право, макнул перо в подмерзающие чернила и самостоятельно внес последние изменения в список постояльцев:

Джек Винтерсмит Алан Сорсби

К этому моменту сам Сорсби уже тоже спустился по лестнице вниз, и именно эта сцена заворожила его до глубины души.

Он наконец-то понял, какого рода волшебника встретил этим февральским вечером.

Видите ли, с основной чертой характера мистера Сорсби – беззастенчивой прямолинейностью и неизбывным стремлением называть все своими именами – люди знакомились довольно быстро (и если даже мы с вами, дорогие читатели, уже наблюдали подобные проявления на протяжении лишь пары часов, то представьте себе, с чем сталкивались несчастные собеседники мистера Сорсби).

Винтерсмит же являлся совсем другого рода волшебником. Для него оставались преграды вербальные, но вот преград физических для него практически не было. Казалось, он чувствовал себя вправе приходить куда угодно и делать что ему вздумается. Сорсби понял это, когда увидел, как Винтерсмит, стоя в своем черном пальто, накидки-пелерины которого придавали образу что-то клерикальное, даже монашеское, почти хозяйским жестом взял чужую гостиничную книгу и своими же руками внес там исправления в список гостей. Это выглядело бы неуместно, не выгляди это так естественно.

Ни одна дверь не может быть закрыта перед жабым человеком, очарованно подумал Сорсби, глядя на это.

Тем временем конюх уже вернулся обратно, сообщив, что Уголек, высокий темный жеребец волшебника, готов к дороге, и мистер Винтерсмит может отправиться в путь прямо сейчас, если до сих пор желает куда-то ехать в такую погоду.

Тот, как ни странно, желал. Окончательно уладив вопросы с хозяином комнат, самовольно распорядившись принести в покои Сорсби горячей воды и заплатив конюху, он повернулся к своему новому знакомцу:

– Всего хорошего, мистер Сорсби, – слегка поклонился Винтерсмит, как вдруг тут же услышал новый бесцеремонный вопрос:

– А куда вы едете?

Винтерсмит глубоко вздохнул и как можно спокойнее объяснил:

– Мне иногда приходится путешествовать по стране. Но в данный момент я направляюсь в другую деревню Болотного края, где рассчитываю пробыть некоторое время, чтобы решить дела.

– Но где именно вы остановитесь?

Да что же за неугомонный волшебник приехал сегодня сюда! Казалось, к беспардонности Сорсби уже можно было привыкнуть, но нет, он каждый раз превосходил самого себя. Винтерсмит сложил ладони, уже одетые в перчатки, вместе и процедил:

– У Его Преподобия в деревне К... Желаете еще что-то узнать или же ваш допрос, наконец, окончен?

Только сейчас запоздало поняв, насколько неподобающе он себя ведет, Сорсби извинился:

– Нет, сэр. Простите мое любопытство. Просто не каждый день увидишь хитрого человека... не хуже себя, скажем так.

Услышав это, Винтерсмит с трудом переборол желание стиснуть пальцы в кулаки. Тем временем Сорсби продолжил:

– Я просто подумал, что мы могли бы поддерживать связь, мистер Винтерсмит. Обмениваться письмами, разговаривать о магии, о ритуалах...

Хозяин гостиницы, стоявший рядом и услышавший слова про колдовство, произнесенные вслух, вздрогнул и опустил взгляд. Винтерсмит тоже продолжал молчать. Вновь осознав, что в очередной раз зашел слишком далеко, Сорсби с сожалением вымолвил:

– Ладно, сэр. Как вам будет угодно. Я лишь из вежливости это предложил.

– Очень хорошо, – наконец ответил Винтерсмит. – Удачи на новом месте, мистер Сорсби.

И, сказав это, человек в черном вновь кивнул, скорее из обычной учтивости, нежели чем из искреннего почтения, после чего взял свою дорожную сумку и направился восвояси.

Глава 2

Красная магия

На следующий день Сорсби проснулся поздно. За ночь он сильно замерз, ведь комната быстро остывала, а ледяной ветер задувал в каждую щель стародавней постройки, обустроенной под постоянный двор. Наконец, под утро, когда взошло солнце, а внизу разожгли огонь и температура стала более приемлемой, он провалился в беспокойный тяжелый сон, полный серой мути и дорожной грязи. Там был стылый камин из его родительского дома в Пензансе и была невозможность высказаться как следует (во сне Сорсби попал в дурацкое положение, не сумев вспомнить, что *моргать по-совиному* означает *наводить дурной глаз*, в результате чего был поднят на смех людьми, не признавшими в нем практикующего колдуна в деревне М...). Еще в этом сне был мистер Винтерсмит и заколдованная вещь, которую мистер Винтерсмит добыл нечестным путем – украденное пальто. Это было очень плотное пальто, потому что в нем было невероятно тепло – не чета тонкому и истершемуся плащу Сорсби. Во сне он думал, до чего же хорошо было бы самому заполучить такое же пальто, большое и тяжелое, и кутаться в него, и не замечать холода даже такими промозглыми ночами...

Проснувшись, Сорсби долго не хотел вылезать из-под одеяла. Какое все-таки блаженство – получить удачной волей случая отдельную комнату! Никто не храпел рядом, как это было в прежних гостиницах, где Сорсби останавливался по пути в М..., никто не будил его, не прижимался и не отбирал половину кровати. Волшебник потянулся и опустил ноги на пол. Но какая же ужасная была холодина! Он наскоро оделся, налил из надтреснутого глиняного кувшина оставшуюся воду (за ночь ставшую почти ледяной) и, вынув из саквояжа кусок мыла, бритву и зеркало, так быстро, как только мог, побрился над тазом с водой и попытался пригладить волосы, неизменно растрепанные и торчащие во все стороны.

Когда эти и иные приготовления к выходу в люди были завершены, Сорсби напоследок оглядел комнату, ставшую ему спасением в чужом краю среди зимы.

Молясь, чтобы ему осталось хоть немного еды на завтрак (который, судя по позднему часу, уже давно закончился), Сорсби собрал вещи и спустился вниз. Он уже приготовился отдать ключ от комнаты, когда хозяин гостиницы вдруг дружески подмигнул и поприветствовал его:

– Доброе утро, хитрый человек.

Сорсби мигом залился краской. Еще никто здесь не обращался к нему так.

– Доброе утро, сэр. Мне бы хотелось позавтракать, если еще успеваю...

– Конечно! – добродушно заверил его хозяин. – Уж для такого, как вы, мистер Сорсби, мы всегда припасем съестного. Нечасто в М... приезжают новые хитрые люди.

– А как же... – хотел было спросить Сорсби, но хозяин уже будто заранее знал, что будет за вопрос, и ответил сам:

– Мистер Винтерсмит? Да, он время от времени приезжает сюда и заглядывает к Старой Матушке Хоббс.

Ох, понял Сорсби, теперь все стало очевидно.

Старая Матушка Хоббс была единственной местной колдуньей, и именно с ее поверенными Алан Сорсби и вел переписку из Лондона, договариваясь через свою квартирную хозяйку и ее знакомцев о том, чтобы поступить к Матушке Хоббс помощником. Именно ей (а точнее, дальним родственникам, писавшим от ее имени) он сообщил о том, какой редкой книгой по планетарной магии владеет. Немудрено, что Винтерсмит, раз уж тот общался со Старой Матушкой тоже, был в курсе всех новостей деревни и наперед знал, что за книгу Сорсби привез с собой.

Позавтракав в том же зале, где вчера ему довелось ужинать, Сорсби вновь обратился к хозяину постоялого двора:

– А где живет Старая Матушка Хоббс?

– На самой окраине, у начала болот. Далековато придется вам топтать по снегу...

Когда хозяин объяснил, как найти домик колдуньи, а Сорсби заверил, что справится с долгой прогулкой, настало время покинуть это временное убежище и добраться, наконец, до финальной точки на своем пути.

Оказавшись на улице, Сорсби пошел по заснеженной дороге, сжимая свой саквояж. Но деревня М... была, к счастью, совсем небольшой, и «далеко» по местным меркам означало не более получаса пешим ходом.

Вскоре, ориентируясь по памяти на указания хозяина гостиницы, он дошел до ветхого, покосившегося двухэтажного домика. У крыльца на перевернутом бревне сидела пожилая женщина с длинными спутанными седыми волосами, выбивающимися из-под красного чепца, и раскуривала трубку. Завидев Сорсби, она рассмеялась, то вздыхая, то откашливаясь:

– Вот те на! А я уже подумала, ты и вовсе не придешь, погодка-то стоит какая. Ты никогда не носишь шляпу?

– Не на моих волосах, – отшутился Сорсби. О, если бы это действительно было шуткой!

Старуха вновь зашлась булькающим кашлем, в промежутках между которым продолжила свои комментарии: – Они у тебя выглядят так... будто эльфы всю ночь трепали их на твоей голове... на такой спутанный клубок волос и впрямь ни одна шапка не налезет.

Дождавшись, пока ведьма вдоволь выскажется по поводу его шевелюры, прокашляется и докурит свою трубку, Сорсби, наконец, зашел в свое новое место обитания.

Конечно же, он не ожидал, что поселится в роскошном поместье, а потому изначально не возлагал больших надежд на жилище Старой Матушки. Хитрые люди практически всегда старались селиться на отшибе, ближе к лесу, реке или, как это было в данном случае, к болотам. Хитрые люди в сельской глуши почти не принимали плату деньгами – но в еде, дровах и одежде не имели нужды, потому что именно так обычно расплачивались местные жители, сами далеко не богатые, за магические услуги.

Старая Матушка махнула на второй этаж, показывая, где будет находиться комната ее помощника. Сорсби поднялся туда по шаткой лесенке, которая вела напрямик из гостиной. Он боялся, что на втором этаже будет холоднее, однако крыша была крепкой, оконные рамы хорошо прилажены, и в целом его уголок был вполне приличным.

Единственное, что требовалось тут сделать, он мог сделать сам, как это всегда и происходило. Схватив низенькую легкую кровать с матрасом, Сорсби протащил ее от дальнего холодного угла почти в самый центр комнаты – так, чтобы лежа в кровати, ощущать тепло от другой стены, уже хорошо нагретой от очага внизу.

Когда он еще юношей жил в просторном родительском особняке в Пензансе, проблем не было до того самого момента, пока Реджинальд Сорсби, его отец и заодно самый состоятельный барристер в городе, не узнал о том, что его единственный сын и наследник надумал посвятить себя богомерзкому искусству колдовства, и, раз уж объективные аргументы не давали должного эффекта, отец и мать перешли к другим действиям. Так, Сорсби-младшего переселили в новую комнату на самом верхнем этаже, где редко разводили огонь, считая отапливание верхних комнат неприличным расточительством. Его кровать на верхнем этаже не имела поддерживающих опор для громоздкого балдахина с тяжелыми драпировками и вообще была довольно простой. Поэтому волшебник переставил ее к собственному камину, пытаясь получить хотя бы свою толику тепла в промерзшем помещении – эту привычку он сохранил на всю жизнь.

Разобрав саквояж и переложив некоторые вещи в маленький шкафчик, волшебник сменил дорожную одежду и снова умылся. Закончив с этими процедурами, он спустился вниз, где Старая Матушка уже варила похлебку на обед.

– Ну как, устроился? – спросила она.

Сорсби пожал плечами:

– Это не такой большой дом, чтобы долго обустраиваться.

Не то чтобы подобное замечание уязвило колдунью, но услышать это было все равно неприятно.

– А ты что хотел, дворец короля?

– Нет, я многого и не ждал... Просто я видел вчера хитрого человека на постоялом дворе и решил, что, возможно, в этих краях наш сорт живет получше.

Старая Матушка цокнула языком:

– А тебе палец в рот не клади, малый. И кого ты здесь видел, кто живет получше?

– Мистера Винтерсмита.

Пожилая женщина посмотрела на Сорсби как на умалишенного:

– Ты решил, что Джек шикарно живет?

– У него есть лошадь...

– Так, хватит болтать вздор, – резко перебила она. – Джек Винтерсмит не человек шикарной жизни. Он даже не человек *счастливой* жизни. Но, полно о нем. Расскажи-ка мне лучше вот что. Что ты умеешь делать?

Сорсби снова пожал плечами:

– Всё.

Не то чтобы и это уязвило Старую Матушку, просто... просто, видимо, столь самонадеянных и, по сравнению с ней, молодых волшебников она тоже уже давно не встречала.

Помешивая ложкой похлебку в котле, колдунья решила начать с того, чего обычно новичкам не поручали:

– Так, значит, Алан. Ты же Алан, верно? Раз тебе покоя не дает лошадь Джека, значит, сам и начнешь с лошадей. Скотину заговаривать умеешь?

Сорсби фыркнул:

– Разумеется.

– Ну вот и договорились.

Не обсуждая больше ни материальные вопросы, ни Винтерсмита, ни вообще что-либо серьезное, они пообедали. Густой суп из непонятных ингредиентов, который сварила Матушка Хоббс, оказался очень вкусным и словно погружал тело в какую-то обволакивающую теплоту так, что, едва встав из-за стола, Сорсби почувствовал, как вновь хочет спать.

«Видимо, дорога в эти края и впрямь оказалась слишком долгой для меня», – решил он и, пробормотав невнятные извинения, поплелся к себе на второй этаж, где рухнул на уже нагретый матрас и проспал до позднего вечера.

Когда он снова спустился вниз, Старая Матушка перебирала сушеные травы, заготовленные еще летом. На ее коленях, свернувшись клубочком, мурлыкала кошка-трехцветка.

Сорсби, потеряв все еще заспанные глаза, решил разглядеть кошку получше, но свет оплывшей сальной свечи не позволял это сделать как следует, поэтому он захотел подойти поближе, погладить ее и...

Раздался отвратительный треск.

Жилет Сорсби, когда-то пошитый самым дорогим портным в Корнуолле, а теперь уже весь вылинявший и латаный-перелатанный, зацепился за торчащий из дверного проема гвоздь

и разорвался прямо на спине. Волшебник, почуяв сквозняк через уже ничем не прикрытую рубаху, выругался:

– Бл*, вот же черт!

Кошка, испугавшись крика, мигом спрыгнула с колен хозяйки, а сама Старая Матушка отложила травы и с ухмылкой уставилась на постояльца:

– Ох!.. Ну, давай посмотрим, как можно его зашить.

Сорсби снял с себя порванный жилет и с негодованием швырнул его на кресло рядом:

– Если бы! Ему уже ничего не поможет.

– Да погоди ты злиться... – колдунья принялась деловито осматривать ткань. – А ведь он когда-то был ничего... Ты ведь из хорошей семьи, верно?

– Теперь от этого проку мало, – проворчал Сорсби.

Но Матушка Хоббс хотела во что бы то ни стало успокоить помощника:

– Да не кипятись ты так. Завтра, как светлее станет, зашьешь прямо по тому же шву. У меня нить есть крепкая, заговоренная, она прохудившуюся ткань как надо стянет. А потом, глядишь, сообразим тебе нового платья... не такого, конечно, как ты носил в благородном доме, но тоже вполне приличного.

И Сорсби улыбнулся. Как приятно и неожиданно было слышать, что хотя бы кого-то, кроме него самого, заботил его комфорт: сначала мистер Винтерсмит пожертвовал ему отдельную комнату, теперь вот Матушка Хоббс позволила устроиться на новом месте, не заставляя работать в первый же день, и даже предложила помочь с одеждой. Хоть он и пробыл в М... всего сутки, ему уже тут нравилось.

Растроганный проявленной добротой, он, как и был, в рубахе, вдруг побежал наверх, обратно в свою комнату, где без раздумий кинулся к саквою и достал оттуда книгу по планетарной магии. Он горел желанием наконец-то обсудить ее с кем-то, занятым в колдовском ремесле, как и он сам, а потому, протянув Старой Матушке редчайший экземпляр, с жаром заявил:

– Я не успел как следует поблагодарить вас за теплый прием и оказанную любезность, Матушка Хоббс. Прошу меня за это простить. Но позвольте мне показать вам то, о чем я писал в своих письмах – это книга с заклинаниями семи планет. Прошу вас, мэ, прочитайте ее, и я уверен, нам будет что обсудить очень скоро! Признаться, я всегда мечтал иметь друга или хотя бы собеседника, который бы разделял интерес к редким магическим текстам... Посмотрите же ее!

Пожилая женщина с улыбкой взяла книгу, но очень скоро Сорсби понял, что ничего по планетарной магии они обсуждать не будут. Не найдет он здесь ни друга, ни собеседника на эту тему – и глупо было с его стороны не уяснить это еще когда он обменивался письмами с дальней родней колдуньи. Объяснение было типичным и, как и ожидалось, вполне простым:

Старая Матушка Хоббс не умела читать.

***

Дни шли дальше, и Сорсби приступил к выполнению своих обязанностей. Помощники хитрых людей, как это было заведено в традиции, были помощниками в самом буквальном смысле этого слова, а потому всегда помогали своим наставникам по хозяйству. Потому теперь Сорсби вставал достаточно рано, разжигал камин, чистил толченым мелом раковину, прибирался в кухне и коридоре, и, заглянув в крошечную кладовую, готовил нехитрый завтрак для себя и хозяйки жилища.

В один из таких дней, когда в домике Старой Матушки уже стало заметно чище (и в разы уютнее), а сама колдунья проснулась и, пользуясь наличием дневного света (столь корот-

кого явления зимой), зашивала пострадавший жилет, которому оказалось нужно куда больше починки, чем предполагалось ранее, сам волшебник направился к конюхам.

Небольшое здание, расположенное поодаль конюшен, ничем не выдавало себя, если бы не один особый знак. На доме имелась особая эмблема – четыре подковы, разграниченные положенными крест-накрест хлыстиками.

Считалось, что конюхи и сами владели магическим искусством. Это было закрытое мужское сообщество, полное своих тайн и секретов мастерства. Поговаривали, что каждый уважающий себя конюх ведаёт заклинание, которое достаточно прошептать на ухо лошади, чтобы та всегда слушалась хозяина (Сорсби знал, что этим заклинанием была фраза «Я повелеваю», но знал он также, что сила этой магии была не в том, *что* говорить, а *с каким намерением* говорить – примитивный фундамент любой волшебства).

Узнав, каких лошадей требуется дополнительно заговорить на послушание, Сорсби, вооружившись принесенными из кладовой Матушки засахаренными ломтиками яблок, обошел конюшни. Каждое животное он ласково поглаживал, угощал кусочком сладкого яблока, а после шептал в ухо то самое слово, которое влияло даже на самых непокорных и необъезженных лошадей.

Перед тем, как вернуться домой, он решил оглядеть постройки рядом с конюшнями и искренне обрадовался, обнаружив там кузницу. Знать, где в деревне расположены подобные места, колдуну было необходимо.

Он думал пересобрать для нужд будущих посетителей Старой Матушки защитные амулеты, а для них всегда требовалось железо. Обычно Сорсби обходился старыми ключами и гвоздями, однако теперь ему показалось целесообразным воспользоваться близостью конюшен и кузницы, и что-нибудь отсюда получить с выгодой для себя. Например, подкову.

– Мне нужна какая-нибудь старая подкова, – обратился он к невысокому рыжему пареньку, таскающему ведра с водой.

Помощник кузнеца (а Сорсби был практически уверен, что парень работал именно им) оглядел волшебника с ног до головы и поинтересовался:

– Значит вы, сэр, наш новый жабий человек?

– Можно сказать и так. Я жабий человек и мне...

– И вам нужна подкова, – с довольным видом кивнул мальчишка. – Я понял, сэр. Подкова всякому нужна, они к каждому дому приколоты. Знаете, сэр, даже сам лорд Нельсон, говорят, распорядился прибить подкову к мачте «Виктори» – корабля, участвовавшего в Трафальгарском сражении. Говорят, подкова берегла и сам корабль, и команду.

У Сорсби потеплело на сердце – эту историю про Трафальгар он услышал несколько лет назад и пришел в восторг. Отрадно было найти в М... пусть совсем юного, но единомышленника!

– Тебе нравятся истории про магию?

Но паренек замотал головой:

– Нет, сэр. Мне нравятся истории про войну.

Мальчишка с готовностью показал Сорсби внутреннюю часть кузницы, где хранились изделия, уже никак не нужные прежним хозяевам – разломанные инструменты, заржавевшие предметы обихода, старые подковы.

В таком визите Алана Сорсби в подобное место не было ничего необычного. Хитрые люди часто обращались к тем, кто так или иначе был связан с лошадьми, за своим собственным инвентарем. Широко использовались в работе лошадиные черепа – их вешали на стропилах частных конюшен, дабы те защищали скот от болезней и дурного глаза; их клали под порог дома – все это были мощные чары защиты.

Тяжелобольным часто укладывали такой череп под кровать, а то и вовсе в самую постель – считалось, что столь могучее и важное животное даже из потустороннего мира способно передать свои силы для исцеления.

Помогали в самых разных целях и запасы «кузнечной воды» – той воды, в которой кузнец остужал металл после работы с ним. Железо с его крепостью в магическом применении отвечало за хорошее здоровье, а потому вода, которая «впитала» в себя свойства раскаленного металла, годилась для ритуалов исцеления и улучшения самочувствия.

Вот и сейчас Сорсби оглядывал подковы, выбирая себе ту, которую можно будет неоднократно использовать в простых ритуалах – как используя связь с лошадьми, так и задействовав металл, из которого вещь изготовлена. Таковую подкову, в которой он чувствовал бы самую сильную магию. И он нашел ее – старую, стоптанную, но удивительно подходящую ему.

Помощник кузнеца рассмеялся:

– Ну конечно. Какую еще подкову мог выбрать жабий человек.

– О чем ты? – не понял Сорсби.

– Это старая подкова Уголька. Я сам перековал Уголька, когда мистер Винтерсмит вновь собирался в дорогу. Спрятал скорее, чтобы снегом не засыпало – подковы от хитрых людей всегда можно продать дороже местным... – сказав это, парнишка тут же осекся. – Конечно же, не вам, сэр, с вас я ни пенни не возьму.

– Мистер Винтерсмит? – удивленно переспросил Сорсби, услышав знакомое имя. – Значит, подкова принадлежала его лошади? Такой черной...

Мальчишка закивал:

– Угольку! И он не черный, а вороной – так надо правильно говорить, сэр. Уголек. Так зовут его коня, сэр, неужели вы не знаете?

– Конечно, знаю, – поспешил ответить Сорсби. – Уголек. Я все знаю. Я ведь хитрый человек.

Молодой помощник кузнеца вновь пристально посмотрел на него, словно оценивая, так ли Сорсби авторитетен, как заявляет. Видимо, в конечном итоге он решил, что да, потому что, едва заметно поклонившись и пробормотав «сэр», паренек отошел в сторону, позволяя Сорсби взять подкову в обе руки, а затем спрятать ее под своим плащом.

– Вам нравится подкова, сэр? – окликнул его помощник кузнеца.

Сорсби растерянно кивнул. Мальчишка тем временем продолжил:

– Я Томми Джонс, сэр. Если вам понадобится еще каких железных штуквин, скажите, чтобы позвали меня, и я вам мигом найду все, что нужно!

– Спасибо, Томми, – поблагодарил волшебник. – Ты очень добр.

– Хитрые люди всегда ко мне обращаются. Старая Матушка Хоббс раньше часто сама приходила в кузницу за железной водой. И мистер Винтерсмит, когда приезжает сюда, всегда просит меня перековать Уголька. У мистера Винтерсмита отличный жеребец, сэр, и я выбираю для Уголька только самые лучшие подковы. Вы же знаете, что у мистера Винтерсмита все самое лучшее. У него даже есть пистолет!

Сорсби остановился как вкопанный:

– О. Даже так?

– Точно вам говорю, сэр, он мне сам его показывал. Я спросил, зачем хитрому человеку пистолет, уж ваш сорт всяко может убить любого проклятьем, но мистер Винтерсмит...

Что дальше говорил Томми, Сорсби почти не слышал. И так, теперь о странном человеке в черном стала известна еще одна подробность – он был вооружен.

Не то чтобы иметь оружие было редкостью. Разумеется, обеспеченные джентльмены владели ружьями и пистолетами. Лорды часто выезжали на охоту. Но Винтерсмит, черт бы его побрал, *просто никто*, как он сам себя назвал, был лишь странствующим колдуном, таким же, как и сам Сорсби! Откуда у него были все эти вещи?

- ...я тоже хотел бы себе пистолет, – вновь услышал Сорсби голос помощника кузнеца.
- Тебе-то он зачем, Томми? – удивился волшебник.
- Как зачем, сэр? Учиться стрелять. Я хочу записаться в солдаты.

Сорсби улыбнулся. Молодым часто казалось романтичной идея принять участие в войне, почувствовать жар битвы. Носить высокий кивер, ботфорты, сверкать блестящей золотой тесьмой и иметь настоящее оружие... разве мог кто быть привлекательнее бесстрашного воина? В боях и сражениях молодые люди видели не кровь и смерть, но великую славу – и не могли видеть иного, не приняв участие в побоище наяву. И если их не страшила угроза гибели, то жизнь в переполненных казармах и скудный солдатский рацион их и вовсе не пугали.

Волшебник приободряюще похлопал юношу по плечу:

– Хочешь, значит станешь.

Томми Джонс недоверчиво покачал головой:

– Эх, если бы... А вы, сэр, думаете, меня возьмут в солдаты?

Да уж, такому энтузиасту даже не требовался бы шиллинг и выпивка от вербовщиков – он бы сам с удовольствием пошел в армию. Сорсби засмеялся:

– Уверен, они будут счастливы получить такого воодушевленного бойца в свои ряды, Томми.

Мальчишка просиял, и Сорсби, улыбнувшись ему на прощание еще раз, направился к дороге.

Придя домой, волшебник поведал Старой Матушке о своих делах в конюшнях, приготовил еду на вечер и на завтрашний день, помог колдунье перебрать оставшиеся запасы трав, причесал трехцветную кошку своим старым гребнем с половиной оставшихся зубьев, вымыл посуду и, пожелав Матушке Хоббс спокойной ночи, удалился к себе на второй этаж.

Подкову, принесенную из кузницы, он почему-то не стал оставлять внизу, где хранились Матушкины принадлежности для Ремесла. Не стал он и прибавать ее над дверью или прятать под порог. Вместо этого он, сам не зная зачем, положил ее в свой саквояж, стоявший в глубине старого шкафа, спрятав в отрез шелка вместе с магической книгой и вырезанным на бумаге силуэтом сестры.

Дни шли своим чередом. Сорсби носил свой защитный жилет и, когда не было нужды заговаривать скот от болезней или непослушания, в основном делал порошки из трав или же лил сальные свечи. Раз в несколько дней он выставлял за порог миску с молоком как подношение для «славного народца», фэйри, и, слава богу, что в доме колдуньи ему не приходилось выдумывать всякие оправдания о том, что, дескать, это молоко «для ежей». Сама Старая Матушка Хоббс покидала дом исключительно в тех случаях, когда кто-то из деревенских заболел столь сильно, что уже не мог самостоятельно встать с кровати, либо когда требовалось принять роды, беря на себя роль повитухи.

В М... жизнь протекала неторопливо и по большей части спокойно. Это был разительный контраст и с Лондоном, и даже с родным Пензансом. Однако вскоре в деревне Сорсби окончательно освоился и практически сразу же начал скучать. Его никто не ругал, его никто не хвалил, к нему относились с должным почтением, граничащим с суеверной опаской.

Ему было решительно не с кем поговорить.

К тому же была еще одна беда: у Сорсби уже давным-давно чесались руки попробовать ту самую магию семи планет – так называемую «планетарную систему». Ведь именно ради нее он пожертвовал фамильными часами и всеми своими сбережениями, купив у лондонского старьевщика древнюю книгу о планетарной магии. Согласно ей, каждое из семи небесных тел – Солнце, Луна, Марс, Меркурий, Юпитер, Венера и Сатурн – обладали определенными качествами и могли принести свойственные им добродетели.

Старая Матушка придерживалась канонів деревенской магии, рецепты которой устно передавались из поколения в поколение, и не интересовалась никаким колдовством семи пла-

нет. Сорсби попробовал было пересказать ей содержимое книжки, раз уж старуха не умела читать, но и пересказанное тоже не вызвало особого энтузиазма. Магия планет из всех людей, встреченных Сорсби, заинтересовала (и еще как!) одного лишь Винтерсмита, но Винтермит был далеко, по ту сторону Болотного края, в К..., и ждать его нового визита сюда так скоро было попросту глупо.

Поэтому Сорсби придумывал способы, как можно поэкспериментировать с заклинаниями из старинной книги в одиночку. Не считая этого, он был в М... практически счастлив. Его пока что никто не прогонял, он никого еще не вывел из себя, как это было во всех прежних местах, где Алану Сорсби довелось останавливаться для колдовской работы.

Так что и это уже было хорошо. А о большем волшебник и мечтать не смел.

***

Прошел примерно месяц с момента его прибытия в М..., как однажды в дом Матушки Хоббс постучалась одна женщина из местных.

Как выяснилось при разговоре, она просила сделать амулет для защиты. Такой, чтобы защитил и от врагов, и от сглазов, и от ударов, и от несчастных случаев, и от пожара, и от утопления, и от пули...

– От пули? – переспросил Сорсби. Он сидел напротив женщины в гостиной Матушки Хоббс и подробно фиксировал пожелания к амулету в своей записной книжке. Сама Матушка предпочитала все запоминать (и выбора у нее не было, так как писать она умела лишь свое имя), а потому смотрела на перо, чернильницу и записную книжку, окружавшие Сорсби на ее обеденном столе с неприкрытым неодобрением.

– Да, от пули! – Старая Матушка повторила слова гостьи нарочито громко. – А что тебя так удивляет, Алан?

– Ничего, – задумчиво произнес Сорсби. – Мне просто казалось, в М... все довольно миролюбивы.

– Защита лишней не бывает никогда! – важно заявила Матушка Хоббс и пришедшая к ним за амулетом женщина спешно закивала.

Сорсби, отложив перо, внимательнее рассмотрел гостью. Она будто что-то недоговаривала, казалась обманчиво спокойной... Это было неправильно, ведь хитрому человеку было положено рассказывать всю правду целиком, без утайки, как доктору или исповеднику. Чем меньше оставалось недосказанностей, тем выше были шансы создать такой амулет, который бы устраивал заказчика наилучшим образом.

– Мэм... – опять, немного подумав, обратился он к гостье. – Вы больше ничего не хотите добавить? Возможно, что-то упущено...

– Нет, – отрезала женщина. – Я все сказала.

Но Сорсби был не из тех, кто легко сдается:

– Возможно, мэм, если вы поделитесь, кто именно вам угрожает...

– Алан! – хлопнула его по запястью Старая Матушка. – Ты разве не понял, наша гостья предельно четко озвучила свою просьбу. К тому же, голубушка, – обратилась колдунья к женщине, – я правильно поняла, что амулет ты просишь не для себя?

Женщина достала из кармана старого выцветшего платья свернутый носовой платок и положила его на стол:

– Именно так, Матушка. Я прошу сделать амулет, который защитит моего сына от всякого зла и угрозы. Вот тут, – она указала на платок, – прядь его волос. И... скромная плата за ваш труд.

Сорсби потянулся за носовым платком. Развязав узелок сверху, он увидел срезанные темно-рыжие волосы. Какое-то мгновение волшебник размышлял о цвете волос, пока его

память пыталась, как гончая, взять след каких-то невнятных воспоминаний, однако буквально сразу его отвлек блеск монеты, лежащей под отрезанной прядью.

Целая гинея!

Сорсби не видел таких денег уже очень давно. Ох! Он перевел дыхание. Это действительно было слишком давно.

Видимо, жительница деревни так дорожила безопасностью своего сына, что не пожалела золотой монеты – возможно, самой дорогой вещи в своем доме.

Внезапно Алан Сорсби понял, какой груз ответственности лег на его плечи. Он не мог подвести заказчицу, не мог посрамить свои колдовские навыки после такой щедрости. А потому, когда женщина, допив чай, поклонилась ему, Старой Матушке и ушла домой, он твердо заявил, что намерен показать, на что способен.

– Никаких ведьминых бутылей! – решительно заявил он. – Я хочу использовать старинное планетарное заклинание для защиты, обратившись к добродетелям планеты Марс – самой главной защищающей планеты. Такой, которая способна отразить любое нападение и всякого превратить в бесстрашного воина. Вы не против, Матушка, что на этом амулете я опробую рецепт из той великой книги?

Старая колдунья, раскурив трубку и надрывно прокашлявшись при этом, не возражала:

– Поступай как знаешь, главное, чтобы магический предмет работал как надобно... Это твое дело, Алан, твой заработок. Я-то уже почти отошла от дел, ты и веди прием, и выбирай магию, которая тебе кажется подходящей. В нашем-то деле что главное? Чтобы обратившийся за помощью эту самую помощь получил.

Так, заручившись поддержкой Старой Матушки (или хотя бы не получив ее несогласия), Сорсби, сжав в кулаке чужой носовой платок, удалился наверх в свою комнату.

Засветив сразу несколько лучин, немилосердно коптивших, но дававших какое-никакое освещение, он раскрыл книгу по планетарной магии и с удовольствием предвкушал новую, совершенно иного качества работу.

Итак, первым делом надо было нарисовать квадрат Марса красными чернилами. Сорсби достал из саквояжа ссохшийся набор акварельных красок и с довольным видом вынул из коробочки красный брусок. Квадрат планеты должен был давать одинаковую сумму при сложении всех слагаемых что по вертикали, что по горизонтали. Это Сорсби тоже легко смог проверить, пересчитав весь квадрат в столбик: ему с детства одинаково хорошо давались и письмо, и арифметика.

Затем следовало добавить на квадрат немного железа. Вот где и пригодилась подкова Уголька! Сорсби положил ее прямо на квадрат с красными цифрами. Еще нужны были «марсианские» растения. Такие травы и цветы, которые могли бы себя защитить. Такие растения, которые словно сами были воинами в пылу сражения – крапива, лук, чеснок, барбарис, горошины перца, похожие на пушечные ядра... Для этого Сорсби на цыпочках спустился на кухню и, держа в одной руке лучину, быстро собрал в пригоршню все необходимое.

Разложив и эти ингредиенты на квадрате, он добавил последнее и самое важное – прядь темно-медных волос сына жительницы М..., чтобы магически привязать амулет к своему обладателю.

Зажмурившись, Сорсби возвел обе руки над квадратом и шепотом произнес заклинание Марса...

Внезапно воздух наполнился густым железистым запахом. Сорсби облизнул губы – ему казалось, что его собственный рот стал полон крови. Такой и должна была быть самая мощная

боевая магия. Такая магия, которая способна отразить любую атаку – и от удара, и от дурного глаза, и от злого слова, и от быстрой пули...

Заклято! Сорсби топнул ногой. Его намерение ушло в мир, его силы иссякли. Удовлетворившись тем, что все сделал правильно с первого раза, он отряхнулся, пытаясь взбодриться, затем убрал со стола подкову, а все остальное – травы, волосы, перчинки – сложил внутри бумажного квадрата и свернул его углами внутрь.

Устроившись за столом, он достал предварительно выуженный из все того же саквояжа кусок красной фланели и, сложив его наподобие конверта, спрятал внутри планетарный квадрат со всем содержимым и начал быстрыми уверенными стежками зашивать ткань. Окончив работу, Сорсби отнес красный фланелевый мешочек вниз на каминную полку – любой амулет должен был хотя бы ночь «пропечься» над очагом колдуна, как его учили еще в Корнуолле.

Наконец, вновь оказавшись у себя в комнате, Сорсби вытер лицо и руки мокрой тряпичкой и начал переодеваться в ночную рубашку. Он сильно устал – новая магия отняла непривычно много сил. И, едва улегшись в постель у прогретой стены, Алан Сорсби уснул, крайне довольный собой – ведь он постарался на совесть и создал действительно могущественный артефакт.

И как всегда, работая на заказ для других людей, Сорсби снились чужие сны. Сегодняшний, видимо, принадлежал загадочному обладателю рыжих волос, потому что сам волшебник никогда еще не видел подобных сновидений. Ему снились морские корабли, далекие пальмовые города с их певчими птицами, и запах специй, и запах пороха, и залпы орудий, и барабанные дробы, и громовые раскаты взрывающихся пушечных ядер, превращавшихся в горошины черного перца...

Спустя пару дней женщина из деревни пришла за своим амулетом. Матушка Хоббс, проводив ее, вышла на крыльцо курить. В воздухе уже чувствовалась весна, снег сошел, и то и дело из-под земли проглядывали первые зеленые пучки травы.

– Ну что, Алан, ты быстро выполнил заказ миссис Джонс, – похвалила его Матушка, выпуская изо рта колечки дыма.

– Миссис... Джонс? – нахмурился Сорсби.

– Да, мать Томми Джонса из кузницы. Наверняка ты сам видел его, когда ходил в конюшни.

– Видел, – согласился волшебник. – Но я не знал, что ему что-то угрожает.

– Она его мать. Матери всегда беспокоятся за своих детей. К тому же ты знаешь мое мнение: защита лишней никогда не бывает.

Упоминание о Томми Джонсе почему-то нарушило спокойствие Сорсби. Он списал это на то, что парнишка говорил о пистолете Винтерсмита. Но почему его мать тогда тоже показалась ему странно неразговорчивой?.. В голове волшебника крутилось слишком много вопросов, и ответа на них он не знал. А потому решил вернуться в дом и заняться своими делами.

Предвкушая покупку новой одежды на заработанную гиней, Сорсби решил и себя заодно привести в порядок – ему надо было постричься. Набрав воды и взяв гребень да ножницы, он устроился перед поставленным на столе зеркалом. Солнечного света было достаточно, а такое занятие, как стрижка, требовало много внимания – тут уж ему будет не до размышлений о миссис Джонс.

Сорсби привык стричь себя сам, экономя деньги. У него были от природы выющиеся, непослушные волосы каштанового цвета, как и у его сестры Кэтрин. Волосы, которые «каждую ночь трепали эльфы, чтобы потом не прочесать». Если не остригать их в должное время, голова волшебника могла бы превратиться в настоящее птичье гнездо. Поэтому он смочил гребень, хоть немного пригладив буйные волнистые пряди, вооружился ножницами и все равно снова начал думать... но на этот раз о волосах.

Интересно, почему мистер Винтерсмит имел такие отросшие волосы? Они постоянно падали черной пеленой ему на хмурый лоб, на глаза, на горбинку носа. Должно быть, это очень неудобно! Как мистер Винтерсмит работал при свечах, склонившись над письмом или книгой, не рискуя подпалить себе волосы? Ведь Винтерсмит, насколько помнил Сорсби, сутулился и наверняка любил посидеть вечером с книгой в руках... Парики давно уже вышли из моды, и мужчины, кроме самых бедных или вовсе бродяг, не носили длинные волосы. Нельзя было сказать, что у мистера Винтерсмита они были длинны, скорее, он просто забывал их подрезать слишком часто, а то и вовсе не заботился такими мелочами, как внешний вид. Все-таки волшебники – люди занятые. Но неужели у него не было знакомого цирюльника? О, наверняка мистер Винтерсмит уж мог бы позволить на свои заработки приличного цирюльника, который бы и постриг, и побрил, и даже нанес одеколон... А может быть, продолжал свои размышления Сорсби, с такими прямыми и гладкими волосами, как у Винтерсмита, все было куда проще, чем с его собственной непослушной шевелюрой? Вот если бы он сам тоже, каждый раз беря в руки гребень, расчесывал долгим движением абсолютно ровные черные пряди...

Ой! Слишком погрузившись в такой запутанный клубок мыслей, Сорсби совсем не заметил, как отвлекся и отхватил себе ножницами целых лишнего полтора дюйма на макушке. Глупый, глупый мистер Сорсби! Теперь вся голова его была приведена в нормальный вид, однако на макушке даже влажные волосы топорщились вверх короткими заостренными иглами. Придется теперь ждать не меньше месяца, прежде чем они улягутся как обычно.

Разочарованно вздохнув, Сорсби навел порядок на столе после своих процедур и больше не возвращался в мыслях ни к своим, ни к чьим-либо еще волосам. Вместо этого он, как и следовало ожидать, вновь начал тревожиться насчет заклинания.

***

Червячок сомнения подтачивал мысли Сорсби еще примерно неделю, и в итоге он не выдержал и сам решил отправиться в кузницу.

Томми Джонс, завидев волшебника издали, побросал все свои инструменты и побежал ему навстречу:

– Спасибо, что исполнили мое желание, сэр! Спасибо за вашу магию!

Он восторженно повторял благодарности, тогда как Сорсби не мог взять в толк, к чему это все. Поняв, что хитрый человек не может полностью разделить его восторг, мальчишка принялся объяснять:

– В деревню пришли рекруты... они искали новобранцев. Так я сам к ним пришел и выразил свое желание послужить на благо короля и отечества. И все решено, сэр, – лицо Томми Джонса буквально сияло от радости. – Завтра или послезавтра, как только соберу вещи, я пойду к мировому судье, так как уже зачислен в солдаты...

– Так это было твое желание? – удивился Сорсби.

– Да, сэр. Я давно хотел записаться в армию и уехать отсюда. Вот только мать...

– Что мать? – по спине Сорсби пробежал холодок.

Паренек погрузился в размышления:

– Она была против всей этой затеи. Говорила, что сделает все возможное, чтобы не пустить меня воевать. Признаться, сэр, я не понял сначала, зачем она мне отдала этот амулет, но, когда вчера встретил рекрутов, все сошлось! Вы исполнили мое желание стать солдатом...

Боже-боже, горестно подумал Сорсби.

Все пошло наперекосяк. Он понятия не имел, что Томми Джонс, мечтавший пойти в армию, был сыном заказчицы, просившей, наоборот, защищать юношу ОТ ПУЛИ. О, как же

Сорсби ненавидел эти завуалированные намеки!.. Как он от них страдал! Они всегда приводили к непониманию и ошибкам. Почему нельзя было все сказать прямо?

И, конечно же, обратиться Сорсби к рецепту попроще, ситуация не вышла бы из-под контроля так сильно. Но нет! Он же из лучших побуждений сотворил великолепный по структуре и исполнению ВОИНСКИЙ АМУЛЕТ. Кто же знал, что Марс не сделает обладателя амулета просто способным защититься и постоять за себя человеком, а превратит его в самого настоящего воина?

Но хотя бы насчет одного Сорсби был полностью спокоен:

– Не забудь взять этот амулет с собой, Томми, когда уедешь в казармы. Он был задуман прежде всего на защиту, а потому с ним тебе ничего не грозит ни в обычной драке, ни в кровопролитном бою.

Мальчишка насупился:

– Но разве это будет по-честному?

– Это магия, – пожал плечами Сорсби. – Она всегда идет по пути наименьшего сопротивления и воплощается в той форме, какую человек искренне желает. Если ты конечно, *не желаешь* действительно погибнуть в сражении.

– Нет, сэр, до такого еще не дошло. Я просто хочу служить своей стране и принять участие в том, что станет историей. Жизнь в М... этого мне не позволит.

– Тогда тебе не о чем волноваться. В отличие от меня.

– Что вы имеете в виду, сэр?

– Ты сказал своей матери о визите рекрутов, Томми?

– Еще нет, сэр. Видите ли она... она не обрадуется.

Сорсби отошел поодаль и согласился:

– О, я уверен в этом.

Затем, оставив помощника кузнеца предвкушать новую судьбу и домашний скандал, Сорсби направился обратно к Старой Матушке. Что мог теперь предвкушать сам Сорсби, было неизвестно, но ясно было лишь одно – ничего хорошего новая метаморфоза в жизненном укладе Джонсов ему не сулила.

Тем временем дома Матушка Хоббс уже всю планировала бюджет Сорсби:

– Ну что, Алан, работяга... Как хочешь распорядиться первым своим заработком в М...? Я тебе вот что советую – потрать эту гинею на новую достойную джентльмена твоего положения одежду. На одежду, достойную *волшебника* твоего положения. Ты прилично выглядишь, но сам видишь, это все было...

– ...слишком давно, – закончил за нее Сорсби, с грустью оглядывая свои изношенные рукава рубахи, вышедшие из моды свободные бриджи, ставший почти прозрачным протершийся сюртук.

– Вот-вот! – подтвердила колдунья, также с неодобрением оглядев его костюм.

Тут Сорсби напомнил о причитающемся колдунье проценте:

– А как же ваша доля? Гинея как-никак!

– Купи мне фунт табака, – отмахнулась Старая Матушка.

– Вы слишком великодушны. Не бойтесь разочароваться во мне?

Но старуха лишь ответила:

– Я не вижу причин для этого.

А уже на следующий день с утра пришла миссис Джонс. Сорсби понял, кто стоит на пороге, по одному лишь гневному стуку в дверь.

Матушка Хоббс, шаркая ногами, пошла открывать. Едва дверь распахнулась, он услышал снизу крики:

– Гинея!!! Я заплатила гинею твоему подопечному! И за что?! Томми забирают в армию, он вчера хвастался...

– Успокойся, Мод, не кричи... – донесся голос Старой Матушки. – Я уверена, здесь какая-то ошибка. Алан дельный колдун, он не стал бы...

– Но именно это он и сделал! – вновь завопила мать Томми Джонса.

Поняв, что больше нельзя медлить, Сорсби накинул сюртук и поспешил на первый этаж. Едва он спустился в гостиную, как миссис Джонс накинулась на него:

– Мошенник! Шарлатан! Томми мне все рассказал! Какого черта ты использовал заклинание для воина?

Отшатнувшись назад, подальше от ее криков, он ошетинился в ответ:

– А какого черта вы молчали о том, что Томми надо защищать ОТ АРМИИ?

У миссис Джонс перехватило дыхание:

– Почему я должна была это сказать? Это наше семейное дело, не твое! Амулет должен был выполнить желание защиты.

– Он и выполнил! – рассердился уже сам Сорсби. – Амулет выполнил желание того, кому был предназначен. Того, чьи волосы вы принесли. Настоящее желание, понимаете? А так как защитная магия традиционно обращается к способности постоять за себя и могучим обороняющимся качествам, ее принято делать через «воинственные» силы. Я сделал его, используя силу Марса – древнего бога войны. Только вот я при этом не знал, что прядь волос принадлежит Томми, мечтавшему об армии. И также я не знал, что вы воспротивились этому желанию, а мне решили преподнести свой вариант правды. Магию же обмануть невозможно, мэм. Она всегда идет по пути наименьшего сопротивления.

Выслушав эту тираду, Мод Джонс, побелевшая от гнева, повернулась к Старой Матушке:

– Теперь вы видите, Матушка, кого приютили у себя? Мошенника из Лондона...

– Я из Пензанса! – вспыхнул Сорсби. – Я корнуоллец.

– Вот и я о чем! – еще больше убеждаясь в собственной правоте, закивала гостя. – Мошенника-корнца вы пустили к себе в дом, в нашу деревню. Вы разве не видите, что он сотворил?

Матушка, как обычно, потянулась за своей трубкой. С жалостью посмотрев на собравшихся, она вздохнула и обратилась к женщине:

– Послушай, Мод...

Но та была непреклонна:

– Не желаю ничего слушать! Он обманщик! Он сделал только хуже...

– Но... – пыталась что-то сказать колдунья, однако миссис Джонс кричала все громче и громче.

Наконец, Сорсби не выдержал и ушел в свою комнату. Достав из кошелька золотую монету, по-прежнему завернутую в чужой носовой платок, он вернулся в гостиную и протянул ее бывшей владелице:

– Возьмите ваши деньги обратно, миссис Джонс.

Та быстрым движением вернула монету себе и, несколько секунд стояла, поджав губы, прежде чем решила на что-то новое:

– Но он...

– Мод! – гаркнула Старая Матушка. – Ты получила свою гинею обратно. Алан объяснил, чем руководствовался в своей магии, и видит бог, его тут винить не в чем. А теперь, мне кажется, тебе пора домой. Проведи эти дни с сыном, пока он еще не уехал.

Спорить с почтенной деревенской ведьмой Мод Джонс остереглась, а потому, еще раз недовольно вздохнув на прощание, покинула дом колдуньи.

Сорсби прислонился к стене и медленно сполз вниз, на пол.

– Вот теперь у вас есть причина для разочарования, – грустно заметил он.

– Брось, – покачала головой Старая Матушка. – Пусть я и не разбираюсь в этой твоей планетарной магии, но я вижу, что ты не имел в виду ничего дурного и уж точно не собирался никого обманывать. Этой Мод лишь бы поругаться с кем, с тех пор, как ее муженек умер, она изводит Томми, а теперь вот...

– Я ошибся! – перебил ее Сорсби. – Ошибся, видите?

Но Матушка Хоббс не видела.

– Вовсе нет. Повторяю, ты все сделал как должно. Не твоя вина в том, что Джонсы сами перемудрили с тем, кто там чего на самом деле хочет. А теперь хватит себя ругать, иди поешь, отдохни, а люди – они скоро все забудут...

Но Алан Сорсби не пошел есть и вообще не желал оставаться в компании – даже в компании такой доброй собеседницы, как Матушка Хоббс, которую он с самого начала вот уже так подвел.

Он поднялся к себе и, сев за письменный стол, принялся писать письмо. Он писал его быстро и выражался прямо, как умел. Он не перечитывал его, а только запечатал и к вечеру отнес на постоялый двор, в уже знакомое ему место. Письмо было адресовано в деревню К... на другом конце Болотного края:

Кембриджшир, К...

Дом викария

Мистеру Винтерсмиту

Многоуважаемый мистер Винтерсмит,

с момента нашей первой и единственной встречи я приступил к магической практике в М..., и все шло в целом довольно обыденно до тех пор, пока я не решил обратиться к книге, которая так вас заинтересовала. Да, я говорю про средневековую книгу заклинаний семи планет. Пока что я успел опробовать лишь заклинание Марса, которое дало прекрасный результат – но, к сожалению, диаметрально противоположный тому результату, которого желала заказчица.

От себя могу добавить, что планетарная магия куда точнее обычных народных обрядов способна распознать истинную волю объекта, на который направлена, и воплотить эту волю в том самом виде, который объект желает.

Увы, мне не с кем обсудить подробности этой магии, потому что Старая Матушка Хоббс не интересуется подобными методами. Я подумал, возможно, вам будет любопытно послушать о моих опытах с планетарными заклинаниями – ведь вы казались так воодушевлены увидеть ту книгу в гостинице. А опыты, я думаю, будут непростыми – видите ли, они действуют слишком прямолинейно. Настолько, что даже я – человек, которого всю жизнь упрекают в излишней прямоте и бесцеремонности – не могу пока что четко эту магию предугадать.

Вполне возможно, мои опыты в итоге в очередной раз выйдут мне боком – так, я уже успел заработать гинею и потерять ее, чтобы замаять скандал с местной жительницей. Но, как уже сказал, сэр, я более чем привычен к подобной суматохе вокруг себя.

Пожалуйста, дайте мне знать, если вы будете не против разговаривать со мной о магии хотя бы в письмах. Конечно же, пообщаться с вами живьем было бы еще лучше. Уверен, Старая Матушка Хоббс тоже с нетерпением ждет вашего нового приезда в М... Она зовет вас по имени, как и меня, так что можете быть уверены, что в ее доме вам всегда будут рады.

Ваш покорный слуга,

Алан Сорсби.

P.S. Не сочтите за дерзость, мистер Винтерсмит, но зачем вам нужен пистолет?

Глава 3

Его Преподобие

А теперь, дорогие читатели, нам придется вновь вернуться в тот холодный февральский день, когда мистер Сорсби получил свою комнату на постоялом дворе, а мистер Винтерсмит уехал снежной ночью в неизвестном направлении. Потому что иначе ни понять, что за человеком был загадочный мистер Винтерсмит, ни для чего ему был нужен пистолет, нам не удастся.

Итак, Джек Винтерсмит был волшебником, как и Сорсби, но судьба его сложилась совсем иначе. Будучи сиротой, подобранным на северных пустошах местной колдуньей, он обучался Ремеслу у нее, а после того, как та умерла, он некоторое время работал на побережье Уитби, потом покинул Йоркшир и с тех пор жил где придется. Ни семьи, ни друзей у него отродясь не было, однако последние половину десятилетия (после того, как Винтерсмит уже минуло сорок) он не то чтобы остепенился, но обзавелся, скажем так, «своей стаей». Это случилось в К..., небольшой деревушке Болотного края, где он постоянно работал все минувшие годы, после того, как несколько лет тому назад в К... прибыл новый викарий со своей женой и что-то пошло не так.

Новый духовник (его звали Бэзил Кормак, типичный второй сын мелкопоместной знати, предназначенный не для власти, но для церкви) читал проповеди из рук вон плохо, сами тексты были унылыми, и люди поначалу ходили в церковь сугубо ради приличия, а потом и вовсе перестали посещать службы, ссылаясь то на дела, то на дурную погоду, то на здоровье, не позволявшее в воскресенье пройти до церкви лишние десять минут.

Разумеется, подобного допускать было нельзя, и некоторые доброжелатели посоветовали викарию обратиться за помощью к хитрому человеку. Конечно же, это выглядело несурезицей, но ведь даже сам сэр Томас Мор писал еще за триста лет до этого, что среди обычных крестьян вера в могущество колдунов и ведьм подчас бывает сильнее веры в Бога. Посему некоторые доброжелатели во главе с Агнес Кормак – самой супругой викария – посоветовали незадачливому проповеднику обратиться за услугами оккультного характера. Его Преподобие несколько дней кряду ругался с женой (для них это было обычное дело), но в конечном итоге ей уступил – его карьера летела под откос с удручающей быстротой, и вот ему уже грозил визит в церковный совет, где Бэзила ждала неминуемая взбучка.

Винтерсмит в ту пору жил в К... у однорукого Поскитта, помогая ему в одном скользком деле, о котором речь пойдет позже. Когда в домик викария зашел высокий, угрюмый человек, с ног до головы одетый в черное, прислуга со страхом переглянулась, миссис Кормак распорядилась тут же обеспечить волшебника самой лучшей комнатой и самой вкусной едой, а сам Бэзил Кормак лишь скептически хмыкнул. Он считал себя современным просвещенным человеком и, если и придерживался каких предрассудков, то лишь тех, что могли бы нанести ему репутационный ущерб.

Однако черноволосый волшебник оказался не так прост. Удовлетворившись отдельной комнатой и наскоро перекусив, он без предупреждений направился в кабинет викария и стал копаться в его бумагах, аккуратно разложенных на письменном столе. Еще сильнее нахмурившись, он попросил Мэри, горничную Кормаков, принести масляную лампу и горячий чай. Затем, совершенно по-свойски устроившись за письменным столом в кабинете хозяина дома, Винтерсмит не выходил оттуда до позднего вечера. И Бэзил с женой, и Мэри, и остальные домочадцы, останавливаясь у запертой двери, пытались прислушаться, что происходит в кабинете, но в итоге лишь начинали кашлять – Винтерсмит всегда очень много курил.

К полуночи волшебник вышел из кабинета и протянул Его Преподобию стопку свежееписанных листов.

– Полагаю, сэ, вы совершили некий ритуал над моими проповедями? – вежливо поинтересовался викарий.

– Нет, мистер Кормак, – отрезал Винтерсмит. – Я просто написал вам с нуля несколько новых проповедей, которые людям будет интересно слушать. Тут хватит на три воскресенья вперед, а дальше посмотрим.

Агнес Кормак, переминаясь с ноги на ногу от волнения, спросила шепотом:

– Но ведь они стали теперь волшебными, да? Эти проповеди.

Винтерсмит, окинув жену священника тяжелым взглядом, лишь ухмыльнулся:

– Они стали качественно написанными. Это то, что я могу вам гарантировать, мэм.

Не то чтобы Кормаки и их прислуга разочаровались – вовсе нет, но они не получили ничего зрелищного. Никаких чадающих трав, никакого бормотания заклинаний. Впрочем, Винтерсмит сам по себе был достаточно «зрелищным» (Мэри, убиравшаяся в его комнате, потом с восторгом рассказывала, что колдун держит рядом с кроватью таинственный черный камень с вырезанным на нем силуэтом дома – прям как в страшных историях!), поэтому все скоро успокоились.

Тем временем дела Бэзила Кормака пошли в гору. Теперь на его проповеди собиралось не только население К..., которое было в состоянии на своих двоих дойти до церкви, но и жители близлежащих поселений – слава об очень красноречивом священнике, чьи слова, кажется, могли любого тронуть за живое, разнеслась далеко по Болотному краю.

Винтерсмит в качестве благодарности предложили поселиться в доме викария на такой срок, который волшебник сочтет для себя приемлемым. И дело уже было не только в благодарности за услугу (Кормаки щедро благодарили едой, кой-какими монетами и необходимыми вещами – именно так Винтерсмит и получил пальто Бэзила, столь впечатлившее приезжего мага-корнуольца в М...). Дело даже было не в насущной потребности держать Винтерсмита рядом (ведь кто-то действительно должен был сочинять и записывать эти проповеди каждую неделю). Нет. Случилось так, что преподобный Бэзил Кормак и волшебник Джек Винтерсмит, несмотря на довольно хладнокровное отношение друг к другу поначалу, со временем стали кем-то вроде приятелей.

Винтерсмит подружился и с Агнес, женой Бэзила, и даже стал крестным их сыну Гилберту, родившемуся пару лет назад – слабому, болезненному малышу, страдавшему от приступов кашля так часто, как часто ругались друг с другом его родители. Семья викария не была оплотом уверенности в завтрашнем дне: мистер Кормак, как уже было упомянуто, постоянно ссорился с женой по всяким мелочам, их сын рос тщедушным и нездоровым, а про профессиональные таланты самого проповедника вы уже слышали ранее. И именно поэтому Винтерсмит стал чем-то вроде связующего вещества, которое не давало всей этой шаткой структуре совсем развалиться.

Поэтому, когда после долгой ночной поездки с постоялого двора он добрался утром в К..., спешил и, погладив запыхавшегося после долгих часов езды Уголька, повел его в стойло, из дома тут же выскочила Мэри, горничная, и моментально улыбнулась гостю:

– Мистер Винтерсмит!

Да. Здесь ему всегда были рады.

– Мэри, – мужчина снял шляпу. – Где Его Преподобие с супругой?

– Его Преподобие скоро вернется со службы.

Ну конечно, подумал Винтерсмит, приличные люди, в отличие от него самого, уж точно знали, когда церковники должны были быть на службе.

– А миссис Кормак?

Мэри нахмурилась:

– Она с мастером Гилбертом уехала к своей сестре. Мы ждем их возвращения через две или три недели.

Прислуге с самого начала было хорошо известно, насколько викарий и его жена не ладили меж собой. Настолько, что минимум дважды в год Винтерсмит задумывался, а не связать ли волосы с голов Бэзила и Агнес в один узел под полной луной, чтобы в этой семье наконец-то воцарились лад и спокойствие. Преподобный Кормак иногда даже в шутку жаловался Винтерсмицу, что лучше бы в стране осталась католическая вера – а, следовательно, и обет безбрачия для духовников. Всякое безбрачие лучше такого брака, сетовал он.

Однако, к вящему удовлетворению и Винтерсмита, и других обитателей дома, и деревни в целом, это были лишь досужие разговоры. Развод был очень дорогостоящим делом, и стоил бы Бэзилу не только денежных средств, но еще и положения в обществе, и карьеры. Для развода требовались серьезные основания, например, супружеская неверность. Банальная неуживчивость в эти основания не входила. К тому же, как бы Кормаки ни любили сгущать краски, по правде же дела обстояли не так плохо. Все вокруг прекрасно знали, что, как бы Бэзил и Агнес ни негодовали друг на друга, и какими вспыльчивыми бы оба ни были, они все равно были привязаны и к окружавшей их картине мира, и к малышу Гилберту.

Когда Винтерсмит снял верхнюю одежду, отнес дорожную сумку к себе наверх, а после вернулся и присел отдохнуть в гостиной, Мэри принесла на подносе чай.

– Вы наверняка проголодались после долгой дороги, сэра. Миссис Браун сказала, что завтрак – точнее, что от него осталось у нас – будет готов через двадцать минут.

– Спасибо, Мэри, – ответил Винтерсмит, добавляя в чай молоко. – И передай мои благодарности миссис Браун.

Гостеприимность этого дома была велика, и Винтерсмит, как мог, отвечал взаимностью. Закончив завтракать, он подождал, пока Мэри унесет поднос, после чего сам направился на кухню.

– Ну и что тут у вас случилось с моего последнего визита? – спросил он прислугу.

Миссис Браун, кухарка, наскоро вытерев руки о фартук, запротестовала:

– Даже не смейте, мистер Винтерсмит! Его Преподобие строго-настрого запретил нам загружать вас работой!

– Но ведь Его Преподобия сейчас нет дома, разве я не прав? – усмехнулся Винтерсмит. – И миссис Кормак тоже отсутствует. Поэтому давайте-ка мы попробуем все как раньше.

Кухарка поджала губы, но было видно, что в душе она радовалась приезду Винтерсмита.

Да, он часто гостил у четы Кормаков – он почти что тут жил. Трудно было вообразить столь неожиданную парочку закадычных друзей – приходской священник и практикующий колдун. Но оно сложилось именно так, и в конечном итоге перестало кого бы то ни было удивлять. Винтерсмита любили в Болотном крае, а в доме викария его любили особенно. Он, как сам выражался, «ненавидел сидеть без дела», а потому, когда услуги магические были не актуальны, с удовольствием вызывался помочь в делах хозяйственных. Он чинил ворота, прилаживал дверные молотки, менял прохудившиеся половицы и штукатурил погреб. Не брезговал Винтерсмит и мелкой работой: так однажды, нарезав на лоскуты груды старой одежды и прочего тряпья, они втроем – миссис Кормак (Винтерсмит звал ее просто Агнес), горничная Мэри и волшебник – умудрились навязать несколько ковриков на пол. Они сшивали короткие полоски ненужных тканей в одну длинную, которая затем сворачивалась в спираль и скреплялась плотными стежками. Нехитрое рукоделие, однако оно во многом помогало домочадцам. Зимы в этих краях были особенно сырыми и промозглыми, а ждать, пока дом с утра будет натоплен, приходилось долго, поэтому кусочек плотного покрытия у кровати обеспечивал ногам какое-никакое тепло.

Сам Бэзил Кормак нередко говорил, что без Винтерсмита его домочадцы бы пропали – именно поэтому двери дома викария всегда оставались для него открыты. Несмотря на то, что Винтерсмит иногда подолгу отсутствовал, разъезжая по делам, на кухне у миссис Браун всегда

было припрятано и угощение для Уголька – ведь волшебник часто возвращался в К... после многих часов, проведенных в дороге, в непогоду, под проливным дождем, а то и снегопадом.

Сегодня все шло как обычно. До тех пор, пока Мэри вдруг не спросила:

– Как там ваша Северная дорога?

Винтерсмит удивился, что горничная была в курсе его *таких* дел. Про Северную дорогу не знал никто, кроме четы Кормаков, но, видимо, он переоценил их способность молчать в собственном доме.

– Ищу, – только и мог ответить он. – К концу года я ее найду.

Горничная продолжила:

– Говорят, в М... скоро появится новый чародей. Он уже успел наделать шума в Лондоне.

– Ты-то откуда знаешь, Мэри?

– У меня в той деревне живет жених, – щеки служанки слегка покраснели. – Мы переписываемся.

Что ж, для викария Бэзил Кормак был действительно прогрессивным человеком – в этом доме горничной не грозило увольнение за то, что у нее появился поклонник. В этом доме слугам даже давали выходной день и изредка позволяли приводить в гости родных – непопулярная практика среди господ.

А еще Его Преподобие старался держать дома только обученных грамоте слуг. Викарий с женой даже добровольно помогали деревенским ребятишкам в своем приходе обучиться письму и чтению – неслыханное развитие для сельской общины, где большинство населения грамотой не владело. Немудрено, что слухи о происходящем в окрестностях теперь доходили до абсолютно всех в приходе, в том числе и почтой. Но новости из М..., в отличие от Северной дороги, были не той темой, где Винтерсмит что-то скрывал или недоговаривал.

– Я встретил этого нового чародея, когда уезжал, – ответил он. – Уступил ему свою комнату на постоялом дворе.

– И как он вам?

– Никак, – Винтерсмит пожал плечами. – А как должен был быть?

– Я не знаю, сэр. Как вы, колдуны, оцениваете друг друга?

– Так же, как и не-колдуны, – ответил он. – По способности здраво мыслить и делать свое дело как следует.

Еще немного поговорив со слугами на кухне, волшебник затем прошел в кабинет Бэзила, вновь покопался в чужих бумагах с проповедями и отобрал для себя то, с чем нужно было поработать в ближайшие дни. По чужому дому он перемещался так же свободно и непринужденно, как и по гостинице в М..., непоколебимо уверенный в своей главной истине: ни одна дверь не будет закрыта перед жабым человеком.

Наступил полдень. Проведав еще раз Уголька и выкурив на улице у ограды трубку, Винтерсмит вновь вернулся в свою комнату, где, сбросив сапоги и тяжелую одежду, он рухнул на кровать, да так и проспал до вечерних сумерек.

Темнело рано, а потому, когда внизу уже ужинали, Винтерсмит встал и пошел по лестнице, захватив с собой лампу.

За столом он тут же увидел того, кого ждал. Викарий был в своем неизменном воротничке и ужасном парике: судейским и церковникам устав до сих пор предписывал обязательно носить парик. Однако преподобный Кормак был вовсе не против устава – его собственные волосы давно поредели. «Это все от излишней умственной деятельности, – объяснял викарий. – Я слишком много размышляю над проповедями, потому и лысею». Любой человек, действительно знающий о том, кто на самом деле работает над проповедями Кормака, не верил в этот аргумент ни на секунду.

Тем временем в гостиной Винтерсмит наконец-то поприветствовал друга:

– Бэзил, – протянул он свою руку.

– Долго ж тебя не было на этот раз, – удивленно заметил викарий, отвечая на рукопожатие. – Ну? И как идут поиски Северной дороги?

Вот же дьявол, подумал Винтерсмит, и надо же ему было ляпнуть полгода назад про эту Северную дорогу! Сейчас, видимо, все разговоры в К... с ним начинались только с нее.

Потерев глаза, Винтерсмит ответил:

– Так же, как и раньше. Ничего нового, ничего обнадеживающего. Иногда мне кажется, что я сам и есть эта чертова Северная дорога. Но это не самое важное... – Винтерсмит хитро прищурился. – Вообще-то я хотел попросить тебя об одолжении.

Викарий, прожевав кусок отбивной, подозрительно посмотрел на волшебника:

– Надеюсь, это не то, о чем я подумал.

– Именно то, Бэзил, именно то. Ты не будешь столь любезен, чтобы отдать мне несколько старых молитвенников и потрепанных Библий?

В Болотном крае знали, что Винтерсмит всегда делал защитные амулеты для селян из старых страниц псалтирей и Священного писания. Он складывал истершиеся страницы, которые уже выпадали из религиозных книг таким образом, что получался небольшой бумажный конвертик. Внутри Винтерсмит укладывал землю с участка, где проживал человек, покупающий амулет, и иногда добавлял туда порошки по своему усмотрению.

Кормак, как глава прихода, не мог мириться с суевериями, но почти всегда закрывал глаза на профессию давнего друга. Они успешно балансировали на тонкой грани пользы от отношений «ты – мне, я – тебе»: Винтерсмит мог не опасаться преследований и обвинений в колдовстве, проживая в самом благочестивом доме прихода и наслаждаясь обширной библиотекой викария (это место здесь было его самым любимым), а преподобный Бэзил Кормак получил в свое распоряжение сразу отличного редактора, секретаря и помощника в разных делах по хозяйству. Вот и в этот раз он мог только номинально, для виду, с укоризной заметить:

– Джек, ты знаешь, что я этого не одобряю.

– Но тем не менее, – Винтерсмит развел руками. – Ты здесь, со мной. Ужинаешь со мной, слушаешь меня, разрешаешь гостить в своем доме. Доверяешь мне свои кошмарные черновики... Кстати, как Агнес?

Атмосфера за столом становилась все более напряженной, и, услышав последнюю реплику, Его Преподобие предостерегающе поднял руку и потребовал:

– Не начинай!

– Не хочешь, чтобы я начинал, тогда давай говорить по делу. Тебе есть чем еще занять меня?

– Ты делаешь каждый раз тут столько, сколько не сделала бы целая артель работников. И спрашиваешь, чем мне еще тебя занять?

– Скоро ночь, Бэзил. Руками не поработать, так хотя бы вдруг есть чем занять голову. Я уже отложил в отдельную стопку у тебя на столе то, что может сгодиться до пасхальной недели, но, возможно, ты хотел бы рассказать людям что-то еще?

Кормак очень осторожно ответил:

– У меня есть несколько черновиков для будущих проповедей, Джек. Но... признаться честно, я не уверен, что хочу их тебе показывать.

– Это еще почему? – сдвинул брови Винтерсмит.

– Ты же знаешь, о чем пойдет речь – о страданиях, о несправедливости...

Ага. Ну вот они и подобрались к самому главному. Винтерсмит передернул плечами:

– Хорошо. Я понял. Так вот, если ты забыл, напомню, о чем я предупреждал тебя уже не раз: не смей жалеть меня, Бэзил. НИКОГДА.

– Я вовсе не... – поспешил оправдаться викарий, но волшебник перебил его:

– Не смей никогда нежничать со мной! Где твои гребаные черновики?!

Кормак вздрогнул, услышав ругательство.

– Я принесу их. Сегодня вечером все будет.

– Хорошо, Бэзил. Просто поставь мне задачу. Поставь мне задачу, и я ее выполню. Больше от тебя ничего не требуется.

Викарий боязливо кивнул. Он перешагнул грань опять. Он вновь начал разговор на тему, которую Винтерсмит не выносил так же, как сам Бэзил не выносил лекции о гармонии в браке.

– Джек, почему ты прячешься от всего этого в работу?

– Прячусь? – Винтерсмит прикинулся удивленным. – Я ни от чего не прячусь – все мое всегда со мной.

– Но не проще было бы...

– Что? – глаза Винтерсмита сузились, как бывало, когда что-то или кто-то очень его злил. – Что было бы не проще?

– Поговорить с кем-то? Поделиться.

– Тут не выйдет разделить горе так, что оно уменьшится, Бэзил. Я знаю, о чем говорю. Единственное, что может получиться – что горе выхлестнется наружу и утопит всех моих без того редких собеседников. Этого я не могу никак желать. Поверь мне, я не могу, не хочу и не имею права тебя в это впутывать.

Викарий подвел неутешительный итог:

– Значит, только работа?

– Да, – кивнул Винтерсмит. – Значит, только работа. В этой жизни надо или работать, или сгинуть. Будь ты умнее, пользовался бы этой моей чертой с куда большей для себя выгодой.

– Просто я добрее.

– Просто ты глупее, Ваше Преподобие.

Кормак вытер рот салфеткой и положил ее на стол. С надеждой (от которой за последние годы почти ничего не осталось) он все-таки рискнул спросить:

– Джек. А когда Северную дорогу удастся найти, это у тебя пройдет?

Винтерсмит, не поднимая взгляд на приятеля, тоже скомкал салфетку и встал из-за стола:

– Спасибо за ужин, Ваше Преподобие. Поблагодари от меня Мэри и миссис Браун.

И, не произнеся больше ни слова, направился в свою комнату.

***

На следующий день Винтерсмит разобрался с текстами для викария и отправился навестить другого своего старого знакомца – однорукого мужчину по имени Джон Поскитт. Оставив Уголька в стойле, Винтерсмит пошел по деревне пешком, здороваясь с редкими прохожими и почему-то после вчерашних реплик опасаясь услышать уже и на улице что-то в духе: «Доброе утро, мистер Винтерсмит! Ну и как там ваша Северная дорога?»

Но что же это была за Северная дорога и почему вчерашние частые упоминания о ней в доме викария так раздражали волшебника?

Чтобы понять это, нам с вами, дорогие читатели, предстоит узнать, что из себя представляет так называемый «компас» английской магии.

Колдовство, как считали местные, делилось на четыре пути согласно сторонам света. Выбрав свой путь, хитрый человек начинал надлежащую практику, учился методам, приемлемым на этой стороне компаса, осваивал Ремесло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.